

2/2016

SLAVICA NITRIENSIS

SLAVICA NITRIENSIA

časopis pre výskum slovanských filológií

2016

SLAVICA NITRIENSIA

časopis pre výskum slovanských filológií

- Hlavný redaktor: prof. PhDr. Natália Korina, CSc.
- Redakčná rada: prof. Nikolaj F. Alefirenko, DrSc. (Belgorod, RF)
prof. PhDr. Juraj Dolník, DrSc. (Bratislava, SR)
doc. PhDr. Anton Eliáš, CSc. (Bratislava, SR)
prof. PhDr. Michal Harpáň, CSc. (Nový Sad, Srbsko)
doc. Jevgenij V. Jevpak, CSc. (Kemerovo, RF)
prof. PhDr. Ľubomír Kralčák, PhD. (Nitra, SR)
PhDr. Marián Macho, PhD. (Nitra, SR)
prof. Boris J. Norman, DrSc. (Minsk, Bielorusko)
prof. PhDr. Slavomír Ondrejovič, DrSc. (Bratislava, SR)
prof. PhDr. Ivo Pospíšil, DrSc. (Brno, ČR)
prof. PhDr. Jozef Sipko, PhD. (Prešov, SR)
prof. PhDr. Jana Sokolová, CSc. (Nitra, SR)
prof. PhDr. Eva Tučná, CSc. (Nitra, SR)
doc. PhDr. Zdeňka Vychodilová, CSc. (Olomouc, ČR)
prof. PhDr. Miloš Zelenka, DrSc. (České Budejovice, ČR)
- Vydavateľ: Univerzita Konštantína Filozofa v Nitre
Tr. A. Hlinku 1, 94974 Nitra
IČO: 00157716
- Adresa redakcie: Katedra rusistiky FF UKF, Štefánikova 67, 949 74 Nitra
krusistiky@ukf.sk
www.krus.ff.ukf.sk

Vychádza dvakrát do roka.
Ročník 5, 2016, 2
Toto číslo vyšlo v novembri 2016.

Evidenčné číslo Ministerstva kultúry SR: EV 4625/12

ISSN 1338-7464

OBSAH / TABLE OF CONTENTS

ČLÁNKY / ARTICLES

- 5 *Zdeňka Vychodilová: Jazyk současného ruského dramatu jako objekt překladu a prostředek mezikulturního transferu*
The Language of Contemporary Russian Drama as a Subject of Translation and a Mean of the Intercultural Transfer
- 23 *Марина Валенцова: Человек силы в социуме*
People of Knowledge in Society
- 37 *Мария Ясинская: Глаза в зеркале макрокосма: сопоставление соматической лексики с объектами живой и неживой природы*
The Eyes in the Mirror of Macrocasm: Comparing Somatic Lexicon with the Living and Non-Living Nature Objects
- 46 *Дарья Ващенко: Пародийный диалектный разговорник: специфика функционирования в интернете и техника комического*
Parodied Dialect Conversation: Specifics of Functioning on the Internet and Comic Techniques
- 55 *Александра Чиварзина: Символика цвета в македонской свадебной обрядности (балканская триада)*
The Colour Symbolism in the Macedonian Wedding Rites (the Balkan Triad)

ROZHĽADY / SURVEYS

- 67 Наш Скарына, або "Напісанае застаецца" (Алена Калечыц)

RECENZIE / BOOK REVIEWS

- 73 Калечиц, Е. И.: Художественный текст в иностранной аудитории (Ян Галло)
- 78 Константинова, Д.: Падежите в словашкия език (с оглед на преподаването им на българи) (Eleonóra Zvalená)
- 80 Все мы дети своего времени: истории жизни русских в Латвии (Miriam Juricová)

JAZYK SOUČASNÉHO RUSKÉHO DRAMATU JAKO OBJEKT PŘEKLADU A PROSTŘEDEK MEZIKULTURNÍHO TRANSFERU¹

Zdeňka Vychodilová

THE LANGUAGE OF CONTEMPORARY RUSSIAN DRAMA AS A SUBJECT OF TRANSLATION AND A MEAN OF INTERCULTURAL TRANSFER

Abstract: This paper deals with the problems of translation of dramatic texts written by contemporary Russian playwrights from Russian into Czech. The author points out to both linguistic and genre particularities of the contemporary Russian drama, demonstrates difficulties of their translating and variety of translators' access as well as strategies of overcoming them, on a selected corpus of Czech translations of plays written by Russian-speaking playwrights.

Keywords: contemporary Russian drama, contemporary Russian language, translation, translator strategy, intercultural communication

Současné ruské drama je kulturní fenomén, který si pro svou originalitu a umělecké kvality bezesporu zaslouží pozornost i mimo domácí půdu. Naše stať se pokouší nahlédnout na toto téma optikou mezikulturního pohledu a analyzovat jazyk současného ruského dramatického textu jako objekt překladu do češtiny. Nemáme v úmyslu jmenovitě hodnotit tvůrčí výkony jednotlivých překladatelů, naším cílem je poukázat na specifika jazyka současných divadelních her z hlediska nároků na překlad a nastínit možnosti, jak je přenést do odlišné cílové kultury a adekvátně zprostředkovat prostředky jiného, byť typologicky příbuzného jazyka.

Je přirozené, že na českých divadelních scénách se hry rusky píšících autorů realizují až na výjimky v transformované podobě **překladu do češtiny**. Nicméně soudobá dramatická tvorba ruské provenience je v českém kulturním prostředí prezentována méně, než by si vzhledem ke své tematické i formální různorodosti a originalitě zasloužila. Do inscenačních plánů divadel bývá zařazována spíše sporadicky, předmětem odborného badatelského zájmu je pouze pro úzký okruh zainteresovaných. K autorům, jejichž hry se na českých jevištích dočkaly inscenování, patří V. Sigarev, I. Vyrypajev,

---

¹ Příspěvek je výstupem grantového projektu IGA FF_2013_061 *Současné ruské drama v translatickém kontextu* řešeného na katedře slavistiky FF UP v Olomouci.

N. Koljada, J. Griškovec, L. Ulická a někteří jiní, přičemž jde zpravidla o jednu až dvě inscenované hry každého autora.²

Dramatický text jako objekt překladu

Problematika překládání dramatu jako textu potencionálně určeného k realizaci na scéně je specifická především vzhledem ke složitě **mnohovrstevnatosti** tohoto druhu umění. Dramatický text je již svou podstatou ontologicky intermediální, potencionálně v sobě obsahuje dvojí estetický kód – divadelní a literární. Vnímat jej lze buď bezprostředně jako inscenaci, resp. divadelní představení, nebo jako text hry, která teprve čeká na případné uvedení na scéně.³

V souvislosti s intencionálním směřováním k dramatisaci jsou na překlad kladeny požadavky podmíněné rozdíly v divácké a čtenářské recepci, které přesahují rámec tradičního filologického přístupu, při němž se nebere v úvahu realizace textu hercem na scéně. To vede některé teoretiky k vyčlenění překladu dramatu jako samostatné oblasti zkoumání teorie a praxe uměleckého překladu. Jak uvádí Jozef Mistrík, „dramatické texty nie sú menej rôznorodé, variabilné a žánrovo pestré ako sú lyrické a či epické texty. Dramatický text, to nie je prostý dialog, ale je to svojský a osobitný slovesný útvar s tempom, rytmom a jazykom odlišným od básne i od epickej prózy“ (Mistrík, 1978, s. 45). Právě rozpoznat divadelní a inscenační složky v koncepci dramatického textu a zviditelnit je v překladu – to je specifická úloha překladu dramatického textu v porovnání s textem prózy a poezie. Není náhoda, že nejčastějšími kritiky „literárnosti“ filologických překladů, které neodpovídají principům převodu textu do jiného druhu umění, bývají režiséři.

Překladatel by tedy měl mít stále v podvědomí, že dramatické dílo je mnohovrstevnatý artefakt a překladatelův text je pouze jednou, třebaže pravděpodobně nejdůležitější, složkou inscenačního celku. Ve své konečné realizaci na scéně drama sestává – řečeno terminologií Otakara Zicha, ze složky viditelné (optické), k níž patří jednání herců, jejich gesta a mimika,

---

² Dramatických textů přeložených do češtiny je však daleko víc, některé překlady vznikly pouze jako texty určené ke čtení a na divadelní realizaci neaspírují.

³ Proti mínění, že drama tvoří pouhou textovou složku divadla (O. Zich), vždy vystupoval strukturalista Jiří Veltruský: „Drama je svéprávné literární dílo. Aby vstoupilo do povědomí publika, stačí, aby se prostě četlo. Zároveň je to text, který může a většinou má být použit jako slovní složka divadelního představení.“ Veltruský, J. (1994/1941): Dramatický text jako součást divadla. In: (týž) *Příspěvky k teorii divadla*, Praha, s. 77. Původně in: *Slovo a slovesnost VII*, 1941, s. 132.

scéna, kostýmy atd. a složky verbální – v Zichově terminologii slyšitelné (akustické) – jež je tvořena textem jednajících postav. Jde tedy o komplexní akusticko-vizuální zprostředkování uměleckého díla spojením různých druhů umění. Komunikační řetězec dramatického díla je v porovnání s jinými žánry, zprostředkovanými pouze textově, složitější (srov. níže). Při překladu se též násobí **interpretační potenciál** původního dramatického textu. Překladatel je po autorovi druhým hlavním interpretem díla, jeho interpretace bezesporu ovlivňuje pojetí dalších účastníků komunikačního řetězce (dramaturga, režiséra, herce, diváka...). Zodpovědnost překladatele je o to větší, že on interpretuje text přímo, zatímco ostatní interpreti zpravidla zprostředkovaně, přes text překladu, a při této „interpretaci interpretace“ pak existuje větší nebezpečí posunů v autorském záměru. Na druhé straně tím, že překladatel je pouze jedním z interpretů, se o tvořivou účast na výsledném komunikátu musí dělit a jeho podíl je pak v jistém smyslu menší než u překladu jiných žánrů (srov. také Ferenčík, 1982, s. 78 – 79).

Co do **metodologie překládání** je tak překladatel „ve dvojím ohni“: na jedné straně divadelní praxe vyžaduje, aby byl překlad orientován na opakované čtení čtenáře-režiséra a čtenáře-herce, a vyžaduje komentování aluzí, kulturních lakun, jazykové hry atd., na druhé straně by měl text přeložené hry odpovídat požadavkům na jednorázové, okamžité vnímání při mluvené realizaci v průběhu představení, aby komunikace s divákem probíhala hladce, bez rušivých momentů. Dochází k napětí mezi očekáváním a požadavky čtenáře a očekáváním a požadavky diváka. Někteří badatelé navrhnou překonat toto napětí striktním rozdělením na překlad dramaturgických částí ke čtení (tzv. Lesedramen, Buchdramen a Dramenübersetzung) a dramaturgických částí bezprostředně k realizaci v inscenačním procesu (tzv. Bühnendramen a Bühnenübersetzung).

Jedním z prvních, kdo uchopil danou problematiku z hlediska scénického zpracování, byl zakladatel české teorie překladu Jiří Levý. Ve své koncepci vychází ze scénických charakteristik jevištního dialogu, které musí mít překladatel při práci s dramatickým textem stále na mysli: mj. stanovuje kritéria **mluvnosti** a **srozumitelnosti** divadelního dialogu a **stylizace divadelní řeči**. Definuje tzv. **významové kontexty**, kdy replika divadelního dialogu „vedle vztahů k pojmenovaným objektům může vstoupit ještě do řady dalších významových vztahů“ (Levý, 2012, s. 146n.), např. k předmětům na jevišti, k dramatické situaci, může být součástí několika významových kontextů. Replika není jen slovní pojmenování, ale také **slovní**

jednání⁴. Právě požadavek na snadnou vyslovitelnost a srozumitelnost je v odborných kruzích filologů i teatrologů často diskutován; podstatou diskusí je obava ze simplifikace textu, a to nejen v rovině hláskového kontextu, nýbrž v organizaci textu jako celku. Některé požadavky na dramatický text vyslovené Jiřím Levým tedy v souvislosti s vývojem moderního dramatu zřejmě ztrácejí na aktuálnosti a ani my je ve vztahu k předmětu naší analýzy, tedy k jazyku současných ruských divadelních her, nemůžeme uplatňovat (srov. níže).

Naopak stále na aktualitě nabývají v dnešním světě otázky související s chápáním překládání divadelních her jako **kulturního transferu**. Překlad každého literárního díla z jazyka výchozího do jazyka cílového je z pohledu mezikulturní komunikace primárně přenosem cizí kultury do kultury domácí, přičemž tyto kultury mohou být od sebe vzdáleny nejen v prostoru, ale mnohdy i v čase. V porovnání s překladem prozaického či básnického textu je cesta dramatického textu ke konečnému recipientovi složitější a zdouhavější. Dramatický text jako objekt překladu prochází řetězcem proměn, na jehož počátku je jeho vznik v písemné podobě – text je **napsán**. Poté je překódován z jazykového kódu výchozího jazyka do jazykového kódu cílového jazyka – je tedy **přeložen**. Pokud jej čeká realizace na jevišti, musí být **dramaturgicky analyzován** a **scénicky ztvárněn** a konečně předstupuje před diváka v podobě konkrétního představení – je tedy **zrealizován** na jevišti a paralelně **vnímán** diváky. Je proto nasnadě, že potencionální míra posunů a odlišností výchozího textu od jeho finální realizace (máme na mysli především nebezpečí negativních posunů a ztrát) je větší, než je tomu u překladu jiných literárních druhů a žánrů.

Jak již bylo řečeno, při případném uvedení dramatického textu na scénu není překladatel zdaleka jeho jediným autorem v cílovém jazyce. Na finální podobě textu se pravděpodobně bude podílet i dramaturg, režisér a v neposlední řadě také samotní herci, kteří si text uzpůsobí především po stránce fonetické. Text bude tedy podroben dalšímu „překladu“, a to překladu z jazyka literatury do jazyka divadla, **dramatický text** se stane **textem divadelním**. Nicméně dramatický text zůstává pro většinu konkrétních inscenací určující výchozí složkou. V tomto smyslu hodnotí jeho status J. Veltruský: „Na jedné straně dramatický text předváděný v divadle patří k dramatickému literárnímu druhu, ať už se v přímých řečech shoduje

---

⁴ „Hloubka konfliktu na scéně vytvořeného závisí na síle kontrastu mezi určitými stylovými prostředky. Protože dialog je **jednání slovy**, jde také při překladu o zachování jeho specifické energie, jeho aktivního zaměření na protihráče“ (tamtéž, s. 164).

nebo neshoduje s tím, co napsal dramatik. ... Na druhé straně text existuje se všemi strukturálními rysy předtím, než jsou vytvořeny ostatní složky divadelní struktury; skutečnost, že může projít dalšími modifikacemi při jejich vytváření, je méně důležitá.⁵

Rekapitulujeme-li vývoj názorů na překlad dramatického textu v průběhu 20. století, pozorujeme zřetelný posun od fragmentárnosti a izolovaného zkoumání jednotlivin ke komplexnosti a mnohaaspektovosti, k náhledu na dramatický text jako na objekt překladu v širokém kontextu mezioborového zkoumání. Badatelé v něm spatřují nejen literární, ale též polykulturní objekt, a jako takový musí být také zkoumán z příslušných pozic a příslušnými metodami. Výsledným produktem překládání je **metatext** vznikající v důsledku interpretace, transformace a případné adaptace textu výchozího dramatu.

Jazyková a žánrová specifika současného ruského dramatu

Předmětem našeho zájmu je ruská divadelní produkce posledních tří desetiletí, tzn. tzv. popřestavbové éry, období známých převratných změn ruské společnosti, které zákonitě ovlivnily podobu dramatické tvorby ve všech jejích aspektech. Hned na počátku však zdůrazňujeme, že na současnou dramatickou tvorbu nelze nahlížet jako na kompaktní celek, jejími atributy jsou naopak až extrémní formální i tematická různorodost a mnohdy experimentální charakter jak samotných textů, tak inscenačního ztvárnění.

Ovšem pojímáno jako celek se současné ruské drama v mnohém diametrálně odlišuje od tvorby, na kterou jsme byli zvyklí z minulých dob. Počátek novodobých dějin ruského dramatu bývá spojován s fenoménem tzv. **nového dramatu**, přičemž obsahová náplň tohoto termínu je navzdory jeho frekventovanosti doposud velmi nejednoznačná⁶. Stejně překotně, jako se mění ruská společnost, se mění i charakter dobové dramatické

---

⁵ Veltruský, J. (1994/1941): Dramatický text jako součást divadla. In: (týž) *Příspěvky k teorii divadla*, Praha, s. 77. Původně in: *Slovo a slovesnost VII*, 1941, s. 132.

⁶ S. Gončarova-Grabovskaja upozorňuje na trojí interpretaci termínu „новая драма“: 1. asociace termínu se stejnojmenným festivalem, 2. spojování termínu s hrami psanými metodou „verbatim“ a s divadlem «Театр.doc», 3. ztotožňování nového dramatu s tzv. uralskou školou – žáky N. Koljady V. Sigarevem, O. Bogajevem, bratry Presňakovovými a dramatiky tzv. toljatského centra, bratry Durněnkovovými. Mezi autory nového dramatu bývá zahrnován i J. Griškovec. (Srov. Гончарова-Грабовская, С.: «Новая драма» рубежа XX – XXI вв. и полемика вокруг нее. In: *Новейшая русская литература рубежа XX – XXI веков: итоги и перспективы*. Санкт-Петербург, 2007, с. 100 – 107).

tvorby: zatímco na počátku 90. let kritika v nových dramatických textech zdůrazňovala metaforičnost, intertextovost a snahu o hru s jazykem, koncem 90. let s příchodem V. Sigareva, M. Kuročkina, I. Vyrypajeva, D. Privaleva a dalších už je to naopak šokující neonaturalismus a hyperrealismus provázený přítomností krutosti a násilí. Témata her „nového dramatu“ často čerpají s neutěšeného každodenního života, zachycují disharmonii ve společnosti i uvnitř lidské duše, která vede až k pocitu bezvýchodnosti a absurdity lidské existence v kritické situaci přelomové epochy. Šokující náměty jdou zpravidla ruku v ruce se šokujícím jazykem. Někdy jdou autoři až do takových extrémů, že se větší důraz než na obsah klade na formu podání, v níž jazyk hraje ústřední roli. K záměru divácké/čtenářské auditorium šokovat využívají autoři též výtvarné nejmodernější techniky, často vizuálního charakteru: scéna se naplňuje vizuálními efekty, autoři tíhnou k performanci, divadelnosti se dosahuje mimojazykovými prostředky, hovoří se o „vizuálním jazyce“.

V současném dramatu se stírají mezizánrové rozdíly mezi dramatickými a epickými a lyrickými monologickými formami a monologizace dramatického textu je jednou ze základních strategií autorů nového dramatu (Vyrypajev, Griškovec). Píše se pro „divadlo jednoho herce“, záměrem autora už není řešit globální společenské otázky, objektem děje je individuální subjekt se svými osobními, často velmi intimními problémy.

Jak jsme již naznačili výše, jazyk ruských divadelních her je produktem nebývale intenzivních vývojových procesů a krizí ruské společnosti posledních desetiletí. V textech her se ve větší nebo menší míře odrážejí všechny jeho charakteristiky, které bývají označovány termíny žargonizace a vulgarizace, internacionalizace a „amerikanizace“, jazyková hra a „karnevalizace“, demokratizace či liberalizace. Obtížnost úkolu zprostředkovat všechny tyto atributy českému čtenáři se násobí specifickými vlastnostmi dramatického textu.

Hry současných autorů se odlišují od estetických požadavků tradičního divadla mimo jiné též „neuměleckým slovem“. Důvody k rezignaci na dřívější axiomata můžeme hledat ve snaze autorů přiblížit se obyčejnému, reálnému životu ve vši jeho surovosti a s tím související tematické zaměření na příběhy všedního dne. Narůstající vlna dokumentárnosti s sebou nese snahu o maximální přiblížení jevištního jazyka reálnému verbálnímu projevu. Dřívější distance mezi komunikací na jevišti a komunikací v životě se prakticky stírá. Normou se u některých dramatiků stává autentická řeč ulice, mluví se o „**magnetofonovém jazyce**“, kdy autoři jakoby pouze zaznamenávají, dokumentují mluvu odposlouchanou z běžného života a bez jakýchkoli úprav ji přenášejí na papír. Do krajnosti je tato metoda dovedena v tzv. praxi „**verbatim**“, kterou uplatňuje moskevské divadlo

Teatr.doc. Její podstata spočívá v tom, že si členové tvůrčího týmu zvolí téma, vyjdou na ulici a tam kladou lidem předem pečlivě zvolené otázky. Odpovědi zaznamenávají na diktafon a na zkoušky přinášejí zápisy spolu s charakteristikou oslovených postav. Na základě tohoto materiálu pak vzniká divadelní hra. Pokud tvůrci hry „nepřidají ani slovo“, mluví se pak o „ortodoxním verbatim“⁷. Kromě lexikálního substandardu se metoda „magnetofonového jazyka“ nejnápadněji projevuje ve výstavbě textu, který nerespektuje obvyklá pravidla koheze a koherence a porušuje i další požadavky kladené na normativní text.

Za průkopnici „magnetofonového jazyka“ na jevišti a předchůdkyni tzv. praktiky „verbatim“ je označována Ljudmila Petruševskaja. Náznornou ukázkou „magnetofonového jazyka“, tzn. záznamu řečového projevu postav bez jakýchkoliv retuší, se všemi nedostatky ve všech jazykových rovinách, je např. text její hry *Moskovskij chor*. Hlavní postava Lika užívá často substandardních výrazových prostředků, tzv. „prostorečija“ (*Саша-пропитушка; я сварганю*), její vyjadřování kopíruje tok myšlenek, což se projevuje subjektivním a hovorovým slovosledem (*Сижу здесь слепая совершенно* – zde s komickým efektem, *У Эры тысяча всегда отговорок*), parcelací textu, která vede k dojmu úsečnosti až útržkovitosti verbálního projevu. Výsledkem jsou někdy těžko srozumitelné až nesrozumitelné pasáže. Poněkud přímočaré uvažování Liky se v lexikálně-syntaktické rovině prezentuje také hojným užíváním částic, dobových výrazů, opakovaných průpovědek (*Пошарь во лбу*), kontaminací slovních obrátů (*в этом деле днём с фонарём не разберёшь*), hovorových výrazů (*обратиться к глазнику*); někdy zachází až do těžko srozumitelného dialektu (*так в них ноги просто гудят*). O to víc překvapí zcela knižní obrat, který se sporadicky v jejím projevu vyskytne (*не требуется никаких оправданий*).

Současní autoři se nerozpakují vkládat svým postavám do úst tzv. „**prostorečije**“. Jde o specifický nespisovný jazykový útvar, který nemá v českém jazykovém prostředí obdobu a není tedy ani zastoupen v české lingvistické terminologii. Výrazové prostředky „prostorečija“ prostupují všemi jazykovými rovinami: v rovině fonetické se projevují ve výslovnosti, intonaci a přízvuku, značně frekventované jsou v rovině morfologické, lexikální, slovtvorné a syntaktické. Jazykové prostředky „prostorečija“ se vyznačují výraznou expresivitou, příznačná je zejména expresivita negativní, jež se realizuje prostřednictvím bohatého rejstříku odstínů od familiárnosti až k vulgaritě (ukázky srov. na s. ...).

---

⁷ Podrobněji o metodě „verbatim“ a divadle Teatr.doc srov. na: <http://www.teatrdoc.ru/>

Na vlně „magnetofonového jazyka“ se však svezou i díla, jejichž umělecké hodnoty jsou více než sporné, v nichž jazyková agresivita nemá jinou ambici než provokovat až šokovat, místo katarze přichází emoční šok.

Všechny uvedené charakteristiky kladou na překladatele divadelních her současných ruských autorů značné nároky, a to nejen na jeho jazykové kompetence, ale také na jeho sociokulturní rozhled a věcnou znalost současné ruské reality. Na druhé straně však poskytují překladateli široký prostor k uplatnění invenčního tvůrčího přístupu při jejich převodu do češtiny.

Současné ruské dramatické texty v překladové praxi

V dalším výkladu se budeme věnovat praktickým translatologickým aspektům sledované problematiky a na vybraném korpusu českých překladů divadelních her současných ruských autorů se pokusíme demonstrovat, jaká úskalí představuje jejich jazyk pro české překladatele. Soustředíme se na problémy, které považujeme v rusko-českém srovnávacím pohledu za relevantní. Demonstraci provádíme na materiálovém korpusu vybraných českých překladů současných ruských divadelních her posledních tří desetiletí. Jde o překlady vytvořené studenty rusistických oborů na katedře slavistiky FF UP v Olomouci v rámci studentského grantového projektu IGA. Jak jsme již uvedli, naším cílem není hodnotit úroveň práce konkrétních překladatelů, nýbrž poukázat na možná řešení, která cílový jazyk nabízí. Překlady nám tedy slouží pouze jako verifikační materiál a u jednotlivých ukázek jméno překladatele neuvádíme.⁸ Omezený prostor nám dovoluje naznačit komparativní translatologickou analýzu vybraných překladů pouze na tzv. **mikrourovni**, tzn., že půjde o detailní porovnání jen některých dílčích překladatelských řešení. Zaměříme se především na ty rysy, které jsou pro jazyk současných divadelních her typické, jak jsme na ně poukázali v předchozí kapitole, a na obecně platné problémy vyplývající z odlišností kultur. Pokusíme se také určit, zda je možné v přístupu mladých překladatelů stanovit převládající překladatelské strategie⁹ a v neposlední

---

⁸ Plné znění analyzovaných studentských překladových textů obsahuje antologie Vychodilová, Z. a kol.: *Současné ruské drama*. Univerzita Palackého, Olomouc 2014, 493 s. ISBN 978-80-244-4505-2. Publikace je výstupem výzkumného grantového projektu IGA FF_2013_061 *Současné ruské drama v translatologickém kontextu*.

⁹ Pod pojmem překladatelská strategie rozumíme v souladu s běžným pojetím tohoto termínu souhrn pravidel, principů a metod, kterými se překladatel řídil, aby dosáhl svých cílů co nejučinnějším způsobem. V tomto kontextu se nám jako nejučelnější jeví opírat se o model kritiky překladu německého lingvisty

řadě také odpovědět na otázku, zda se odlišuje úroveň překladů vytvořených profesionálními překladateli od překladů studentských.¹⁰

Proces překládání je do značné míry procesem rozhodování, výběru z možností, které cílový jazyk pro daný jev v dané konsituaci nabízí. Primárně nejde o to najít za příslušný prostředek výchozího jazyka jeho plný formální ekvivalent v jazyce cílovém (jak k tomu inklinují začínající překladatelé), nýbrž najít prostředek, který je možno v daném kontextu označit **za funkčně a pragmaticky ekvivalentní**. Řečeno slovy E. Nidy: „Překládání spočívá v tom, že se v jazyce překladu vytváří *nejbližší přirozený ekvivalent* sdělení jazyka výchozího, nejprve co do významu, pak co do stylu.“¹¹ Při jeho výběru je třeba brát v úvahu řečový úzus, kulturně-společenské zvyklosti apod. V mnoha případech je naopak třeba odpoutat se od byť lexikálně správného, ale doslovného překladu a dát přednost variantě obvyklé v daném řečovém úzu, vytvořit tedy funkčně a pragmaticky ekvivalentní překlad, který bude působit co nejpřirozeněji. Překladatel by měl mít neustále na mysli, že funkce jeho překladu se podřizuje konečnému článku komunikačního řetězce, a tím je čtenář/divák v cílovém jazyce. A jelikož je tento konečný příjemce příslušníkem jiné kultury, než je příjemce výchozího textu, může se funkce překladu lišit od funkce originálu. Na správném stanovení funkce překladu také do značné míry závisí rozhodnutí o charakteru překladatelské strategie.

---

a translatoLOGA M. Breunera založený na analýze složek jednotlivých jazykových rovin. Srov.: Breuner, M. (1986): *Konzepte und Probleme der Übersetzungskritik literarischer Werke – mit einem exemplarischen übersetzungskritischen Rahmen zu Joyces Ulysses*. Duisburg: Linguistic Agency, University of Duisburg.

¹⁰ Kvalitě studentských překladů prospěla metoda kolektivního posuzování, kdy byl překlad jednoho díla předmětem konstruktivní kritiky ostatních členů překladatelského týmu v Seminářích uměleckého překladu. Nejen že se tak v první verzi překladu „vychytaly“ triviální chyby vzniklé nepozorným čtením textu, popř. chyby interferenčního charakteru. Závažnější byly diskuse o celkovém ladění, vyznění překladu jako celku – o vhodnosti volby překladatelského přístupu a strategie. Zde se nejvíce projevovala individualita překladatelů, někdy i rozdíly genderové, rozdíly mezi tzv. „mužským“ a „ženským“ přístupem k překladu (ženy měly zpravidla rezervovanější přístup k užívání vulgarismů a „silných slov“, i když to nebylo absolutním pravidlem). Konečné řešení bylo ponecháno na každém autorovi překladu a každý překlad tak zůstává autorským dílem individuálního překladatele. V další fázi práce na překladech studenti v hojně míře využívali možnost konzultací s rodilou mluvčí i s autory překládaných divadelních her.

¹¹ Nida, E.: *Principles of Translation* – překlad Jiří Pechar. Citováno podle: Georges Mounin: Konotace a problémy překladu. In: *Překlad literárního díla*. Praha, Odeon 1970, s. 125.

Prvním, co na překladatelově strategii vysleduje divák či čtenář, je pojetí **převodu reálií**, přičemž mnohé lze zařadit do kategorie tzv. **bezekvivalentních reálií**. Překladatel rozhoduje mezi takovými překladovými operacemi, jako jsou tzv. naturalizace, exotizace, generalizace, popř. konkretizace dané reálie. První příklad ze hry P. Prjažka Žizň udalas' ukazuje, jak překladatelka původní postup naturalizace, záměny domácí reálií, přehodnotila ve prospěch **zobecnění, generalizace**:

Вадим: Я возьму полторачку пива, да, Лена? – Лена: Что? – Вадим: **Очаково?** Или какое тебе купить? – Вадим: Ладно, я тогда тебе куплю **Оболонь Лагер**.

Původní verze: V: Já vezmu pivo v plastu, ok, Leno? – L: Co? – V: **Zlatopramen?** Nebo jaké chceš koupit? – V: Dobře, tak já ti teda koupím **Kozla**.

Upravená verze: **Mám koupit jedenáctku nebo dvanáctku?** – Dobře, tak já ti teda vezmu **dvanáctku**.

Naturalizace, tedy kompenzace domácí, všeobecně známou reálií, by byla vhodná v jiné pasáži textu, a to i za cenu drobného posunu ve významu: *I pirohy a kompot jsme měli* → *Měli jsme také pirohy a **pečený čaj***.

Generalizace byla naopak na místě tam, kde se jednalo o pro českého recipienta naprosto neznámou osobu jakéhosi Kunajeva, prvního tajemníka ÚV KS Kazašské SSR: *Мама святой была. Пионеркой **Кунаеву** цветы дарила, знаешь?* – v doslovném překladu: *(Máma) jako pionýrka dala kytky Kunajevovi, víš to?* Ze zobecňujících variant, které studenti navrhovali: *Stalinovi – prvnímu tajemníkovi strany – jednomu komunistickému pohlavárovi – jednomu komunistickými papalášovi – nějakému vysokému komančovi*, překladatelka zvolila tuto: *Jako pionýrka dala kytky **jednomu komunistickému pohlavárovi**, víš to?* (O. Žanajdarov: Bir, eki, uš)

Při překladu je třeba mít na zřeteli též dobovou vázanost reálií, jak ukazuje tento případ: *Ну, взяли мы пару бутылочек. Нет! Не в этом дерьмовом маркетe! Вот им! (Показывает фигу). В простом гастрономе! – Купили jsme nějakej chlast. Nee! Не в том подделаным marketu. То зровна! (Делá немравнe gesto.) V обычeйным крámку. Scénickou poznámku v závorce překladatelka nejprve přeložila z pozice současného uživatele jazyka jako *Vztyčuje prostředníček*. Po konzultaci s rodilou mluvčí svůj postup přehodnotila ve prospěch zobecňujícího vyjádření *Делá немравнe gesto*, neboť v době, do níž je děj zasazen, se dnes všeobecně známé gesto v tomto smyslu neužívalo. V replice *Закусывайте в следующую раз!* se naráží na zvyk Rusů zajídat každý hlt vodky. Překladatelka zvolila strategii tzv. **modulace**, kdy výsledného analogického významu výpovědi dosahuje odlišnými výrazovými prostředky: *– Příště tolik nepijte!**

V jiných případech podobného komunikačního efektu docílili překladatelé cestou **naturalizace**: *Никакой пошлости и шуток ниже пояса! Запомните, нас смотрит бабушка из Кукуево.* – Žádné triviální a nechutné vtipy. *Зараматуйте si, дивá se на нас бабиčka ze Zapadlé Lhoty; Это не серьёзно было.* **Чик-чиров, я не угров.** – Nebylo to nic vážného. **Piky piky na hlavu, já na babu nehraju;** *Валентин – сценарист программы «Смех, да и Толька»* – Valentin – scenárista pořadu **Smějeme se s Tólkou** (v posledním případě můžeme hovořit o jakési „naturalizaci jazykové“).

Někdy se v textu vyskytnou reálie natolik specifické, že překladateli nezbude než uchýlit se k **poznámce pod čarou**. Takovéto řešení však může být vzhledem k potenciálnímu inscenování hry problematické. Srov. příklad z úvodní pasáže Durněnkovovy hry Exponáti, v níž je jedním z protagonistů Pašet – místní gopnik. Význam tohoto slova je vysvětlen v poznámce pod čarou: *Gopnik – příslušník subkultury ruské městské mládeže charakterizované bezprizorností, popíjením alkoholu, šikanováním osamocených kolemjdoucích a sídlištním patriotismem („Ты с какого района?“). Kořen „gop“ pochází ze zkratky názvu instituce, která měla v revolučním roce 1917 dozor nad bezprizornou, toulající se mládeží v kompetenci.*

Odkaz na reálie se může vyskytnout i ve scénických poznámkách, kde je přesný překlad vzhledem k fyzické přítomnosti popisované reálie obzvláště důležitý, např.: *На звезде висит пальто-крылатка из прошлого века.* – bylo přeloženo poněkud vágně jako *Na hřebíku visí cestovní pláště z minulého století*. Výstižněji by druh pláště vyjadřovalo slovo *pláštěnka* nebo *pelerína*.

V důsledku mezikulturních odlišností současné ruské a české společnosti může být za určitých okolností překladatelským oříškem také překlad **oslovení**. Překladatel musí být především dobře obeznámen s rozdílnostmi ve společenských konvencích v ruském a českém společenském prostředí. Několik zdařilých řešení respektujících české společenské zvyklosti demonstrujeme opět na překladu Durněnkovovy hry Exponáti: – *А я вам, мөтенька, в самом начале говорил, что не задаром.* – *Vždyť jsem vám, mladá paní, už na začátku říkal, že to nebude zadarmo.* Překladatel vhodně kompenzoval formální ekvivalent *tetičko*, který je pro oslovení cizí ženy v českém společenském úzu nepřipustný, poněkud příznakovým oslovením *mladá paní*, jež je pro danou konsituaci možno hodnotit jako vyhovující funkční ekvivalent. Stejně invenční je formulace *Dobrý večer, panstvo. Mé jméno je Vladimír Voronko, за русké Здравствуйте, господа Зуевы! Я Воронько Владимир...* V dalším případě je nádech familiárnosti, v ruštině obsažený v tzv. „novém vokativu“, v češtině kompenzován neformálním pozdravem *zdravíčko*: *Привет, дядь Толь!* – **Zdravíčko, strýčku Toljo!** – Naopak český ekvivalent oslovení *holka* pro ruské *чува* v jiném překladu

vnímáme jako ochuzení na úrovni expresivity, srov.: *А ты, чува, включај свою буратинскую музыку!* – *No tak, holka, pusť tam ten svůj randál.*

Prubířským kamenem překladatelského umění bývá překlad **jazykové hry, neologismů a autorských okazionalismů**. Jeden příklad za všechny ze hry P. Prjažka *Žizň udalas´*, z něhož mj. vyplývá i skutečnost, že se studenti nebojí užívání nespisovných prvků a nerozpakují se užít ani vulgarismy (někdy i těžšího kalibru) a též touto cestou přizpůsobovat řeč jednajících postav mluvenému projevu (i když jsou si vědomi toho, že jde o řeč stylizovanou – to se pak projevuje především v náznacích prvků obecné češtiny a gramatických projevů substandardu):

Лена: *Где маты, блядь?* – Вадим (улыбаясь): *Что?* – Лена: *Где маты, блядь!* – Вадим: *Что ты говоришь, вообще не понимаю, Лена.* – Лена: *Маты! Маты, блядь!* – Вадим: *А! Маты! Я думаю, манты. Какие манты...*

L: *Kde tu máte žíněny do prdele?* – V: (směje se) *Cože?* – L: *Kde tu kurva máte žíněny!* – V: *Co to? Vůbec tě nechápu, Leno.* – L: *Žíněny! Žíněny do řiti!* – V: *Aháá! Žíněny! Já myslel sněženky. Jaký sněženky...*

V originále šlo o paronymické výrazy *маты* – *žíněny* a *манты*, což je kazašský pokrm (masové taštičky), popř. druh rejnoka (manta obrovská).

Rozšířování autorských okazionalismů, regionalismů a specifických žargonismů někdy může být oříškem i pro konzultanty z řad rodilých mluvčích. Překladatel je pak nucen český ekvivalent odhadovat na základě jeho fungování v dané konsituaci. Srov. např. průpovídku *Пошарь во лбу* ve hře L. Petruševské, již překladatelka na základě kontextu, v níž se opakovaně vyskytovala, a po konzultaci s rodilými mluvčími, převedla jako *Hrabe ti*.¹²

Překladatel by měl mít stále na zřeteli, že verbální projev je důležitým, ne-li nejdůležitějším **charakterizačním znakem jednajících postav**. Měl by se rozhodnout, jakou strategii v této oblasti zvolí, zda bude charakterizační jazykové prvky užívat pouze náznakově, nebo je bude uplatňovat důsledně. Dnešní teorie překladu dává přednost první variantě, ani druhá však není vyloučena; okolností, které o volbě překladatelovy strategie v této oblasti spolurozhodují, může být velké množství. Naše texty byly i v tomto směru velmi různorodé. Např. překladatelka Levanovovy hry *Bastardi* musela zvládnout a adekvátně přenést do cílového jazyka autorovu záměrnou stylizaci do dětské řeči v dialogu dvou sourozenců předškolního věku, z nichž

¹² Tendenci vnášet do textu regionalismy však někdy měli i samotní překladatelé, srov.: *Vždycky tady jezdili malíři; Tu cenu nezapomenu ani na smrtelnej posteli; I maďarský botasky jsem mu vymeldoval. ... často se scházíme, dřístáme, pijeme pivo...* apod. Většinou však nebyl problém dohodnout se na „náhradní“ všeobecně přijatelné variantě.

jeden je o něco starší a „rozumnější“ než jeho mladší bratříček. Právě dětská řeč v kontrastu k řeči dospělých v dětských ústech vytváří napětí a přispívá ke značné působivosti výrazu (N: *Ještě na nás nadává. Říká, že jsme zlobiví. Škaredě nám nadává a říká, abysme zdechli!*; N: *On tě potom bouchnul.* – D: *Bolelo to.* – N: *Tekla ti krev. Byl jsi potom nemocný. A ONA ho za tebe taky plácla. A on jí potom natloukl. Měla modřinu. A taky byla nemocná.*

D: *A jak se to BÍLÉ jmenuje? Zapomněl jsem to.* – N: *BÍLÉ se jmenuje „CHLÉB“ a ČERNÉ se jmenuje „ŽITNÝ CHLÉB“*

Obzvláště citlivou oblastí je převod **vulgarismů** a **jazykového substandardu** vůbec. Jde o symptomatické výrazové prostředky velké části současné dramatické produkce, v nichž se individualita strategie jednotlivých překladatelských osobností projevuje obzvláště zřetelně.

Nejvyšší zastoupení má expresivita přirozeně v lexiku, srov. několik příkladů ze hry L. Petruševské: Эра: *He заставляй меня **рыться** в твоём столе.* – E: *Nenuť mě, abych se ti hrabala ve stole.*; Нета: *Родную тётку **выставили**, тьфу!* – N: *Vlastní tetu vyhodili, fuj!*; Катя: ***Зажрались!*** – K: *Rozežranci!*; Лика: *Дай, дай мне **эти тряпки**. Я **сварганю** себе пальто.* – L: *Dej mně ty hadry, spíchnu si z nich kabát; Саша-пропитушка с дочерью. – A alkoholička Saša s dcerou apod. Adekvátní překlad lexikální expresivity tohoto typu zpravidla nedělá potíže. Čeština může expresivní zabarvení výpovědi podpořit i prostředky morfologickými, ruština touto možností nedisponuje, srov.: Нета: *Саша специально приехал из Березая, чтобы нас вытурить! Его, наверно, Эра вызвала.* – N: *Saša přijel schválně z Berezaje, aby nás **vodsad** vyrazil. Určitě ho zavolala Era; Zradila tě, svou sestru, kvůli **svejm fakanům**. Ale oni za to nestojej.* apod.*

Někteří překladatelé mají tendenci ke zmírňování expresivity a teprve po čase své řešení přehodnotí a přiblíží se tak expresivitě originálu – např. původní verze repliky: *Ну, **они у меня ответят за это**.* – *A za tohle se mi budou zodpovídat* byla nahrazena expresivnějším: ***Tohle jim nedaruju**.* Наopak zjemnění spolu se synonymickým rozrůzněním překlad v následující pasáži v porovnání s originálem stylisticky obohatilo: В: *Ангела, покажи мне **pony**. У тебя такая **пона** красивая. (Ангела выставляет Вадиму **pony**).* В: *Спасибо. У тебя пона красивее, чем у Лены. Л: Что?! В: Шучу-шучу! У тебя тоже очень красивая **пона**.* – V: *Anželo, ukaž mi **zadek**. Ты máš takovou красивую **prdelku**. (Anžela выстркује на Вадима **pozadí**.)* V: *Дěкују. Ты máš **hezčí dupku** než Lena. Л: **Cože?! Дělám si srandu, jen srandu! Ты máš **taky krásnou prdelku**.** Většina překladatelů však nemá zábrany reprodukovat funkčně sémantické ekvivalenty ani vulgárních výrazů těžšího kalibru, kterými texty některých překládaných her nešetří. Сука! – *Ты **čubko!** Ну-ка открывай, сука! – Так otevři, ты **svine!** А vom хер ум. – Ani **hovno**; Olegu, tak ty si budeš **stěžovat****

tomuhle debilovi, že špatně vařím?! – B: Špatně? Ani hovno! Vůbec nevaříš! Pro nadávku *Дерьмо!* v překladech zaznívají ekvivalenty *Neřád! Sráč! Hajzl jeden! Zmetek jeden! Šmejdl!* v závislosti na konsituaci a strategii překladatele. Překladatel si v těchto případech musí dávat obzvláštní pozor na stylistickou vyváženost textu, aby nedocházelo k formulacím typu: *Ty vole, Saňku, posral ses nebo co, cos to kurva udělal? Dyt' ty si svoji ženu rozsekal téměř na cucky, ty píčo.*, kdy je mezi substandardní lexikum zařazen knižní výraz *téměř*, který v kontextu vulgarismů neústrojně „trčí“.

Mladí překladatelé často sahalí po textech, v nichž jsou protagonisty jejich vrstevníci, jejichž jazykový projev je jim blízký. Srov. např. několik ukázek převodu **sportovního a mládežnického žargonu** ve hře Halka Motalka:

Комета: *He, ты на этих не смотри. Это – тупы. ...Тупы – это легкоатлеты. Им это поганяло ножи придумали...* А ножи – **классные чудаки**.

– K: *Na tyhle se nedívej. To jsou tupouni. ... Tupouni – to jsou lehkootleti. Tuhle přezdívkou jim vymysleli kopálisti. ... Ale kopálisti – to jsou suprový týpci.*

Тренер: *Буцилова, не садиться. Блоха – три подхода по пятнадцать раз. Выполняем. (Уходит.) Я всё вижу.* – T: *Вуциловá, nesedíme. Blecha – tři řady по patnácti. Jedeme. (Odejde.)* Všechno vidím.;

Светка – *такая пиздатая девчонка! Ей 16, а у неё уже КМС.* – Světla je taková **šukézni holčina!** *Je jí teprve 16 let a už je šampiónka.*;

Мы с бабами ходим фазить на стадион. – *Мы с holkama chodíme báňat na stadion.*

Будешь фазить, курица? – Budeš čadit, ty slepice?;

Г: *Давай пофазим.* – K: *Хватит. Шеф и так попалил.* – Г: **He маланья, чума.**

H: *Pojd' si zakouřit.* – K: *Už dost, šéf nás už tak jako tak načapal.* – H: **Nedělej vofuky, blázne.**

V našich překladech však najdeme i případy mírného zvýšení expresivního ladění replik originálu, v daných kontextech vesměs velmi zdařilé, srov. např.: *Всё ему не так было.* – *Nic ti nebylo recht*; *Человек (иронично): Он агностик...* – *Člověk (ironicky): Pán je agnostik; Да что вы заладили – из России, из России...* **Vy jste ale dubová palice!** – *Z Ruska, z Ruska...*; *Домой пришёл весь зелёный* – *Domů jsem přišel zelený jak sedma*; *Андрей: Когда похмелится.* – *Andrej: Když si dá vyprošťováka.* apod.

Těž při překládání **obrazných vyjádření** nejrůznějšího typu prokazují mladí překladatelé dostatek tvůrčí invence, srov. např.: *Я её знаю, так просто на рожон не полезет.* – *Já ji znám, jen tak ti hlavu na špalek nedá;* *Нехитрое дело. Слушай, а что как робот сидеть, можно, я петь буду?* – **Jak u blbých v domečku.** *Sedět jak robot. A co kdybych si zpívala?; Makám jak šroub.; Завтра ещё лучше будет. А послезавтра совсем будет – зыканская.*

– A zejtra má bejt ještě líp. A pozítří **bude hotový palermo**.; *Вся внимание, слушаю?* – **Jsem jedno velké ucho** – *poslouchám*. V některých případech může být dokonce účelné překlad záměrně zjednodušit: *Оттопырилась как! В фате даже! Стара барыня на вате!* (narážka na látkovou figurku, která se „oblékala“ na čajník, aby čaj nevychladl) – přeloženo jako: *Ty ses ale vyfintila. Dokonce se závojem. Jako z porcelánu*. Ironický nádech hodnocení se však v překladu ztrácí.

Pro **syntax hovorové ruštiny** je typická úspornost a lakoničnost vyjadřování, množství neúplných, resp. nedokončených vět, častý výskyt asyndetonu (bezespoječného spojení výpovědi), zpravidla jednoduchá stavba dialogu, parcelace souvětí do krátkých jednoduchých replik, významné místo zaujímají kontaktní slova atd. Zvláštním typem asyndetonu jsou případy, kdy je parataktické bezespoječné souvětí užito ve významu souvětí podřadného: *Я вот и букетик для тебя купил. Выбирал долго, потом торговался*. Překlad do češtiny zpravidla vyžaduje logickou shodu formy a obsahu: *Dlouho jsem vybíral, než jsem ji koupil*.

Na dojmu lakoničnosti se značnou měrou podílí **eliptičnost výpovědi**, jedna z nejtýpčtějších vlastností běžně mluvené ruštiny, kterou na první poslech zaznamená i lingvisticky neškolený recipient. Čeština je v této oblasti daleko střídmější, málokdy si může dovolit elidovat predikátové sloveso, což je jeden z nejběžnějších typů elipsy v ruštině, také závislé výpovědně konstitutivní větné členy musí být explicitně vyjádřeny alespoň v zájmeně podobě. Srov. několik příkladů: Клим: *А как вообще шмотки-то? Нигде ничего не жмёт? Присесть сможешь?* – К: *Со **ty** hadry? Неškrtí **vás** никде? Дá се **v nich** sednout?*; Воронько: *Когда ¥ автобус?* – V: *Кды **přijede** автобус?*; Лика: *Ты же с ней так не должна ¥!* – L: *Так с ní неможешь **mluvit!***; Валя: *Привыкнешь ¥. А что тебе не так ¥?* – V: ***Na všechno** si звыкнеш. Со се ти **nelíbí?*** ; Оля: *Валя, я же тебе сказала. Хочет ¥, нускай ¥.* – О: *Valjo, říkám ti: chce **spát v obchodě, tak ať si spí.***

Obzvláště opatrný by měl být překladatel při převodu **citoslovečných replik**, které mají v mluvené ruštině mnohem vyšší frekvenci než v češtině; pokud se citoslovce v komunikaci českých mluvčích vyskytují, mají zpravidla jinou formu než citoslovce ruská, což si překladatelé mnohdy neuvědomují a překládají je mechanicky doslovně. Výsledné vyznění pak bývá nepřirozené až směšné. Někdy je vhodnějším a elegantnějším řešením užít namísto explicitního citoslovečného vyjádření perifrázi: Оля: *Ох. – Оля si povzdechne*.

(Ne)rozpoznání **aluzí a intertextuality** a způsob jejich přenosu do cílové kultury je nejlepším indikátorem překladatelovy interkulturní kompetence a rozhledu. Pokud v textu figuruje citát z jiného literárního díla s explicitním poukazem na jeho autora, je jeho převod poměrně snadným úkolem.

V případě, že existuje oficiální překlad do cílového jazyka, je třeba jej použít, a to s odkazem na jméno původního překladatele. Do poněkud obtížnější situace se překladatel dostává v případě, kdy je sice zjevně patrné, že jde o literární citát, autor však uveden není. Zde už je odhalení výchozího zdroje věcí překladatelových znalostí či alespoň schopnosti informaci dohledat. Jako příklad může sloužit pasáž ze hry Vjačeslava Durněnkova *Exponáti*, v níž překladatel správně rozpoznal narážku na Ilfa – Petrova a překlad originálně vyřešil tako: *В город начнут поступать средства. А это, сами понимаете, – новые рабочие места, более высокий уровень жизни. И это, поверьте, не Нью-Васюки. – Do města začnou přitékat prostředky. Dál už si to domyslíte, nová pracovní místa, vyšší životní standard. A, věřte mi, není tu žádná skrytá kamera.* Ve hře L. Petruševské Moskovskij chor říká Ljuba: *Вот тебе в Москву, в Москву. Вот тебе Москва.* Tato replika je aluzí na Čechovovy Tři sestry. (Opakovaně ji vyslovují sestry, které touží uniknout z provinciálního života, ale nemají k tomu sílu.) Překladatel se může právem domnívat, že v českém kulturním prostředí není tento (v Rusku kultovní) citát všeobecně znám a může napovědět čtenáři tzv. vnitřní vysvětlivkou: Ljuba: *Do Moskvy!, jak říká Čechov. Tady máš tu svoji Moskvu.*

Aluzemi jiného druhu jsou citace z více či méně populárních písní. Zde je zcela na rozhodnutí překladatele, jak vyhodnotí stupeň srozumitelnosti jejich poselství pro cílového recipienta. Na základě svého rozhodnutí pak může text buď přeložit doslova (ve specifických případech dokonce ponechat v originálním znění), popř. sáhnout po domácím textu s analogickým vyzněním. Substituci názvu písně domácím názvem vhodně použila překladatelka hry I. Korela Podchod, když na základě podobného poselství textů dvou písní nahradila v Rusku sice populární, ale českému čtenáři nic neříkající ruskou píseň *Чубчик кучерявый* písní Jana Nedvěda *Na kameni kámen*. – (Slova písně *Чубчик, чубчик, чубчик кучерявый... Что ж ты вьешься, чубчик, по ветру... – Vlázky, vlázky, vlázky kučeravé, proč vlajete, vlázky, ve větru/* byla substituována českým: *A my budeme se rvát, až tu nezůstane stát na kameni kámen...*). Překladatelku k tomuto kroku opravňovala nejen formální, obsahová a funkčně-pragmatická blízkost, ale i svolení samotného autora dramatu.

V neposlední řadě je třeba věnovat pozornost překladu samotných **titulů** divadelních her, jež mají, řečeno slovy Zlaty Kufnerové, „při překladu v jistém ohledu výsadní postavení“ a jsou „téměř vždy exkluzivní záležitostí“.¹³ V názvech soudobých ruských divadelních her jsou zastoupeny prakticky všechny

¹³ Kufnerová, Z. (2003): Co s titulem literárního díla. In: *Překládání a čeština*. Jinočany, s. 149.

základní strukturní typy od titulů popisných až k výrazové zkratce či metafoře. V převážné většině případů se nabízejí plné formální a sémantické překladové ekvivalenty a není důvod původní název měnit. Poněkud složitější situaci měla pouze překladatelka Sigarevovy hry nazvané *В моем омуте*, což v doslovném překladu znamená „v mé tůni“, popř. „v mém víru“ nebo „v mé propasti“. V souladu s celkovým vyzněním dramatu autorka překladu akcentovala přirozenost výrazu a drama pojmenovala *В моих мыслях*, i za cenu významového posunu původního názvu. V jiném případě nahradila překladatelka vzhledem k většímu tíhnutí češtiny k verbálnosti nominální titul *Самый легкий способ бросить курить* slovesným titulem *Kouření může vážně škodit vašemu zdraví*. Existují však i názvy divadelních her, které jsou natolik vázány na původní kulturně-historické prostředí, popř. jsou tak nevšedními autorskými okazionalismy, že je lze aspirují na zařazení do kategorie „nepřeložitelné“ (srov. např. mnohovýznamový název monodramatu Jevgenije Griškovce *Как я съел собаку*).

Závěr

V příspěvku jsme se pokusili poukázat na některé charakteristické rysy dramatických textů ruských autorů posledních desetiletí a naznačit, jak náročný je pro jejich složitost v jazykové, konotační i pragmatické rovině převod do jiného jazyka a jiného sociokulturního prostředí. Naše analýzy překladů studentů rusistických oborů olomoucké univerzity i překladů profesionálních překladatelů, které z důvodu omezeného rozsahu naší stati nemohly být analyzovány, nám dovolují konstatovat, že úroveň překladů divadelních her současných ruských autorů do češtiny svědčí o dobré odborné vybavenosti jejich tvůrců; překlady vesměs hodnotíme jako vyhovující až vynikající, drobné chyby na denotační úrovni se vyskytují pouze v jednotlivostech. Nepozorovali jsme kvalitativní rozdíly mezi výkony profesionálních překladatelů a studentskými překlady – v konečném výsledku se mnohé studentské překlady mohou postavit na roveň překladů renomovaných překladatelů a troufáme si vyslovit domněnku, že je v některých aspektech dokonce mohou i předčit.¹⁴ V překladatelských postupech převládají strategie naturalizační; tvůrčí přístup překladatelů provází snaha o přirozenost vyjadřování, celkové interpretační uchopení textu vesměs koresponduje s charakterem originálu.

---

¹⁴ Při globálním hodnocení úrovně překladů zcela odhlížíme od jejich geneze. Cesta ke konečné podobě překladů byla u studentů, z nichž pro mnohé šlo o první překladatelskou zkušenost, mnohdy trnitá, bylo třeba zbavit se „potíží růstu“, prvotních začátečnických chyb. Tímtéž procesem však pravděpodobně kdysi prošli i renomovaní překladatelé, takže tento faktor pro hodnocení překladatelského výkonu není podle našeho názoru relevantní.

Současné ruské drama je v českém kulturním prostoru bohužel stále velkou neznámou. Zájem mladé rusistické generace opravňuje k naději, že i její zásluhou se bude povědomí o něm zvyšovat i v široké kulturní veřejnosti.

LITERATURA

- BREUNER, M.: *Konzepte und Probleme der Übersetzungskritik literarischer Werke – mit einem exemplarischen übersetzungskristischen Rahmen zu Joyces Ulysses*. Duisburg: Linguistic Agency, University of Duisburg, 1986.
- ČERMÁK, J. – ILEK, B. – SKOUMAL, A. (eds.): *Překlad literárního díla. Sborník současných zahraničních studií*. Praha: Odeon, 1970. Bez ISBN.
- FERENČÍK, J.: *Kontexty prekladu*. Bratislava: Slovenský spisovateľ, 1982. 149 s. Bez ISBN.
- FERENČÍK, J.: Poetika prekladu drámy. In: *Romboid*, 14, 1979, č. 1, s. 42 – 47.
- KOSTELNÍK J.: *Vývoj ruského dramatu na konci 20. a počátku 21. století*. Disertační práce. Brno: Masarykova univerzita, 2011. 255 s.
- KUFNEROVÁ, Z.: Co s titulem literárního díla. In: *Překládání a čeština*. Jinočany: H & H, 2003, s. 149 – 153. ISBN 80-85787-14-8.
- LEVÝ, J.: *Umění překladu*. Praha: Apostrof, 2012. 368 s. ISBN 978-80-87561-15-7.
- MISTRÍK, J.: *Dramatický text*. Bratislava: SPN, 1978. Bez ISBN.
- PÁLUŠOVÁ, M.: *Současné ruské drama v českém translatickém kontextu*. Disertační práce. Olomouc: Univerzita Palackého, 2012. 152 s.
- VELTRUSKÝ, J.: *Příspěvky k teorii divadla*. Praha: Divadelní ústav, 1994. ISBN 80-7008-046-9.
- VOSTRÝ, J.: *Scénologie dramatu. (Úvahy a interpretace)*. Praha: Kant 2010. ISBN 978-80-7437-036-6.
- VYCHODILOVÁ, Z. a kol.: *Současné ruské drama*. Olomouc: Univerzita Palackého, 2014, 493 s. ISBN 978-80-244-4505-2.
- ZICH, O.: *Eстетика драматического искусства: теоретическая драматургия*. 2. vyd., Praha: Panorama. 1986. Bez ISBN.
- ВИСЛОВА, А. В.: *Русский театр на сломе эпох. Рубеж XX – XXI веков*. Москва: Университетская книга, 2009. ISBN 978-5-98699-050-7.
- ВИСЛОВА, А. В.: *Современный театр как знаковая система*. Dostupné z: http://www.google.cz/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=1&ved=0ahUKEwjw-KWttNjPAhXGlxoKHWbqCT4QFggbMAA&url=http%3A%2F%2Fwww.culturalnet.ru%2F%2Fdownload.php%3Faid%3D36&usg=AFQjCNGEc4J_s9qm56dxYSDcVamuaJZdHg
- ГОНЧАРОВА-ГРАБОВСКАЯ, С.: «Новая драма» рубежа XX – XXI вв. и полемика вокруг неё. In: *Новейшая русская литература рубежа XX – XXI веков: итоги и перспективы*. Санкт-Петербург: ЛЕМА, 2007. С. 100-107. ISBN 978-5-98709-036-7.

Příspěvek je rozšířenou a přepracovanou verzí stati *Současné ruské drama jako tvůrčí překladatelská výzva* uveřejněné v antologii Vychodilová, Z. a kol.: *Současné ruské drama*. Olomouc: Univerzita Palackého, 2014, na s. 19 – 35.

ЧЕЛОВЕК СИЛЫ В СОЦИУМЕ¹

Марина Валенцова

PEOPLE OF KNOWLEDGE IN SOCIETY

Abstract: On the material of the Slavic traditions of the XIX-XX centuries the article analyzes the problem of the social assessing of „knowledgeable“ people, i. e. those who possess uncommon knowledge, strength and supernatural abilities. In the centre of discussion – the mechanism of formation of the image of “man of power” and axiological assessment, in which decisive role play „social indicators“: portrait features, behaviour, speech, opinion, relations with neighbours, success in business, wealth, willingness to serve the people, etc. The parameters based on the mythological thinking are considered in details. Such as, for example, the idea of the finiteness of human wealth, duplicity motive, reference to „alien“ as to demonic, etc., as well as the role of Christianization in the perception of people of power. An analysis of the Slavic terminology of witches, on the one hand, and the sorcerers – on the other is also provided.

Key words: ethnolinguistics, Slavic mythology, witch, people of knowledge, society.

Про ведьм, колдунов, знахарей и других людей силы, или «знающих», написано уже значительное количество работ, включая обобщающие и осмысляющие эти персонажи и само явление ведьмарства труды (Знатки, 2012; Вархол, 1982; Bazyłak, 2008; Славянские древности; Виноградова, 2000 и мн. др.). Ведьма и ведьмарство подвергались также исследованию в когнитивном аспекте (см., напр., Vužeková, 2009). Вместе с тем, как представляется, социальный аспект этого явления – *ведовства, čarovnictva*, то есть выявление роли социума в формировании образов и стереотипов этих людей силы, может стать предметом отдельного рассмотрения.

Совершенно очевидно, что отношение социума к человеку, обладающему силой (что предполагает наличие знания и власти) различается в зависимости от исторического периода, этноса, территории проживания, религии (вспомним хотя бы костры инквизиции в средневековой Европе).

В этой статье ограничимся только славянским материалом XIX – XX вв. Речь пойдёт о людях со сверхъестественными способностями, т. е. имеющих дар предвидения и пророчества, способности к колдовству,

---

¹ Работа выполнена в рамках проекта РГНФ «Образ человека в языке и культуре» (№16-04-00101, руководитель С.М. Толстая).

магии и врачеванию. Область их воздействия практически не ограничена – это человек (его здоровье, благополучие, удача, любовь), скот (здоровье, плодovitость и молочность), урожай (и зависящие от него достаток и богатство), погода (дождь, засуха, буря, град), предсказания, гадания, устранение несправедливости (поиск вора, снятие порчи). Особые знания, дающие силу их обладателю, но недоступные другим, вызывали у остальных членов общины и благоговение, и страх, и зависть, но всё же вынуждали пользоваться их возможностями. Эти персонажи, с одной стороны, располагаются на аксиологической прямой от самой отрицательной оценки (ведьма, колдун) до самой положительной (знахарка, богиня) – в зависимости от результатов их деятельности. Вместе с тем, все они, даже в рамках одной традиции, оцениваются амбивалентно – как социумом, так и отдельными индивидами. Социумом – поскольку магическая сила этих людей не контролируется обществом и может быть разнонаправленной, а индивидом – поскольку в разный момент времени даже одно и то же событие может оказаться лично для него благоприятным или неблагоприятным, не говоря уже о том, что благоприятное для одного оборачивается неблагоприятным для другого².

В российской этнографии существовала как тенденция к различению колдуна и знахаря (С. В. Максимов, Д. К. Зеленин³), так и к неразличению (А. Н. Афанасьев). О позднем смешении положительных и отрицательных персонажей писал польский исследователь П. Базылак, полагавший, что в основе образа чаровницы лежит дохристианский образ женщины, знающей лечебные свойства растений и выполняющей роль лекарки, одновременно с которым существовал и образ вредоносных чаровниц, называемых ягами, или ведьмами. Постепенно оба персонажа соединились, а представления о них смешались, впитав в себя также христианские воззрения на ведьму и магию вообще (Bazylak 2008: 1).

Представляется, что и положительные, и отрицательные, и амбивалентные персонажи существовали изначально, и вариантов смешения добрых и злых «знающих» было столько же, сколько переходов в спектре света, сколько самих оттенков между добром и злом. Объединяет этих необыкновенных людей общая черта – обладание скрытым знанием,

---

² Собственно, амбивалентно в традиционной (да и современной) культуре оценивается практически всё: люди, события, мифологические персонажи, обрядовые действия, природные явления (см., напр., Плотникова 2010; 2015).

³ «Знахарь – это не колдун. Ему известны только заговоры и лечебные травы, и он выполняет главным образом функции врача. Никаких связей с нечистой силой у него нет» (Зеленин, 1991, с. 423).

пользование которым не поддавалось никакому влиянию и зависело всецело от воли самого «знающего». Скорее всего, вопрос об оценке деятельности людей силы должен решаться отдельно для конкретного времени и места, а нередко и для каждого конкретного «знающего».

Амбивалентность людей силы не является спецификой славянской культуры, ср. лит. *lauma* – не только 'ведьма', но и 'божество, желающее людям добра' (Карулис, 1987, с. 137), и по-видимому присуща всем человеческим культурам. Поэтому надо признать большую роль социума в оценке людей силы, роль, обусловленную, как было сказано выше, и традиционной культурой, и религией, и влиянием соседних традиций, и даже отдельных харизматичных индивидуумов.

Было бы полезно, опираясь на известные сведения о ведьмах и знахарях в славянских традициях, проанализировать, как социум воспринимает и оценивает этих людей и почему; как формирует стереотип их восприятия; как называет и как использует.

Совершенно очевидно, что всему невидимому и неосязаемому, но ощущаемому как воздействие, человеческий коллектив стремился придать определённые физические формы, воспринимаемые каким-либо органом чувств или разумом. Природные явления персонифицировались в виде существ, предметов либо хотя бы получали имя, название. В случае с человеком силы его особенность также должна была получить какой-то физический знак, с которым общество могло бы манипулировать, по нему узнавать, им маркировать. Каждый социум **формировал стереотип «знающего»**, составными частями которого являются внешность, поведение, особенности рождения, жизни, смерти и др. признаки. Эмпирически устанавливались «закономерности» между знаком и событиями, в которых предполагалась истинность причинно-следственных связей как прямых, так и инверсивных высказываний (напр.: у ведьмы есть хвостик; наличие хвостика свидетельствует о том, что женщина – ведьма). Посмотрим на признаки, которые связывались с личной силой, прежде всего, ведьмарством.

1. Внешность. Нередко чаровницам⁴ приписывалось наличие хвостика, рожек, крыльев, лишних пальцев, двух рядов зубов, усов, сросшихся бровей, бородавок; особого пронзительного взгляда; уродливости и уродства или, наоборот, слишком яркой красоты, но при этом вкупе с неприятным взглядом и т. п., ср. о польской ведьме *czarownica*: у одной

---

⁴ Будем использовать это слово без аксиологической маркированности.

такой бабы был знак (*zapatrzeniec*) на лице, у второй – огонь в глазах (*magme miała w oczach*)⁵ (Обидза, сондец., малопол. – Lehr, 1982, s. 138).

2. Характер, образ жизни: «... *знатками* в глазах носителей традиции становятся черноглазые люди, однорукий человек, старушка, похожая на Бабу-ягу, очень рано просыпающийся человек, хозяин, никогда не закрывающий двери, женщина лёгкого поведения...» (Знатки, 2012, с. 13), мстительный или завистливый человек: «магию могут делать в отмщение за совершённое зло или из зависти. Также делают и на любовь: парень или девушка изменит свое отношение (*превърне сръце*) и полюбит желанное лицо» (болг., Кюстендилско, СБНУ 32, с. 149).

3. Пассионарность, т. е. интенсивность эмоций, количество внутренней энергии: отрицательную социальную оценку получают слишком сильные страсти и желания и даже чрезмерное трудолюбие. Сюда же относятся и незаурядные способности. Напр., *бажить* (новг., костр., волг., влад., перм., нижегор., олон., арх., с.-двин.) 1. 'очень хотеть, сильно желать', второе значение которого – 2. 'накликать, предвещать беду, несчастье, желать кому-либо зла, неприятностей' (перм., твер., вят.); 'по суеверным представлениям, с помощью колдовства насылать несчастье на других' (свердл.): *Бажить – вроде как проклинать что ли уж: ведь вот это они все набажили ей* (СРНГ 2, с. 46).

Важным оказывается не только наличие личной силы, но и понятность и санкционированность её механизма в понимании окружающих (использование трав, молитв, свечей у знахарок – или частей тела «гадов», покойнических предметов, заговоров у ведьм).

4. Открытость или скрытность человека и его действий (в том числе молчаливость). На оценку этого качества чаровницы, видимо, повлияло убеждение, что хорошее не надо скрывать. Напр., в Полесье считали: [*Колдун не скрывает, что он*] *знахор, [к нему лечиться ходят. А ведьма скрывается]* (Олтуш Малоритского р-на Брест. обл.) (Виноградова – Левкиевская, 2010, с. 32).

Традиционно считается, что ведьма действует ночью и в чужом обличье, оборотнем, а защитник села, знахарь – открыто. В этом смысле объяснима привязка деятельности ведьмы к календарным срокам. Поскольку логику природных изменений вместе с логикой всего живого крестьяне не способны были рационально понять, а могли только наблюдать, то все неблагоприятные для человека природные изменения приписывались тайным чарам ведьм (от безлуния = «кражи месяца» и разрушительной бури до потери коровами молока, болезни и смерти

---

⁵ Здесь и далее перевод мой – М. В.

человека). Хотя скрытность людей силы в свою очередь вызывалась самим обществом: «Знатуха или знаток зачастую предпочитают скрывать, что они обладают способностью лечить, поскольку и в этом случае их могут отождествлять с могущими портить колдунами: «...я дозаговаривала, что мне дали прозвище „колдунья“. Вот, как думаешь?» (Знатки, 2012, с. 16).

При формировании стереотипа «знающего» социум старается заранее определить – на основании коллективного опыта и традиционных мифологических представлений – кто из новорожденных станет человеком силы. Отслеживалось и маркировалось всё, что выходит за рамки средних норм, всё необычное и редкое. Например, рождение ребёнка «в рубашке», особенно в «кровавой рубашке», с зубом, с двумя макушками, с шерстью на теле и т. п. Нередко при этом происходило и терминологическое маркирование ребёнка. В Моравии, например, родившегося с зубом называли *морой* (Václavek, 1894, s. 101); в Сербии полагалось сразу же оповестить сельчан о том, что ребёнок родился в «рубашке», иначе мальчик станет колдуном, а девочка ведьмой (Плотникова, 2004, с. 545). У кашубов ребёнка, родившегося *w czepcu*, называли *strziż, strzyż*, что ассоциативно отсылало к названиям *strzyga, strzygonia* 'ведьма' (Berka, 1891, s. 133). Принимался во внимание и любой другой знак, полученный в течение жизни: *Хто останеться у вихрі, то неодмінно буде відьмою і буде знатись з чортами* (с. Андріївка, Сталинская (ныне Донецкая) обл. – Петров, 1926, с. 115).

Общество формирует условный договор, что считать допустимым, а что опасным – как для человека-обладателя этих признаков, так и для всего коллектива, т. е. формирует традицию восприятия людей силы и их действий, санкционирует их деятельность.

Так, обычное просперативное действие в одной локальной традиции может в другой считаться «ведьмачеством». Например, нередко женщин, собирающих росу с чужих или с общих полей, считали ведьмами: пол. *czarownica*, ведьма, вредила скоту, накидывала уроки, особенно в день св. Войцеха (23.IV), когда накануне или на заре этого дня ходила по полям соседей и собирала росу с навоза в горшочек, тогда у неё было молоко, а у других нет. Или собирала росу на подол и приносила домой – и у неё было молоко, а у хозяина поля – нет (Обидза, сондец., малопол. – Lehr, 1982, s. 138 – 139).

Но подобные же действия с росой в других регионах могли быть обычной и общеизвестной практикой для увеличения молочности коров: хозяева скота собирали на пастбище до восхода солнца с помощью цедилки «юрьевскую» (Юрий, 24.IV) или «купальскую» (Иван Купала,

24.VI) росу, а потом выжимали её и поили своих коров либо обмывали им вымя (в.-слав., з.-слав.) (Виноградова, 2012, с. 481). В Полесье, чтобы у коровы было больше молока, собирали росу марлей с посевов пшеницы и выжимали в подойник (чернигов.) (Трефилова, 2012, с. 604), ср. также в заговоре: «Божа матери по росе ходит, росу собирает, этой корове споры наделяет» (Толстая, 2004, с. 285). Также и словаки окрестностей Вранова собирали юрьевскую росу и давали выпить корове (Трефилова, 2012, с. 604). Словенцы на троицкой неделе собирали росу в подойник, веря, что от этой росы коровы будут давать больше молока и оно будет лучшего качества (Толстая, 2004, с. 285), также поступали и хорватки в окрестностях Загреба, давая выпить росу своей корове (Толстая, 1999, с. 607).

Наверное, правильнее описывать подобные действия так, как это сделала Е. Горватова: «В разных областях Средней Словакии женщины, кое-где считающиеся ведьмами, до рассвета, обнажёнными собирали на полотно росу с чужих полей со словами: *Beriem úžitok, ale nie všetok*», а затем давали выпить своей корове или обтирали её влажным полотном. В районе Зволена эта роль принадлежала самой старшей женщине в семье (Horváthová, 1986, s. 226; подчёркнуто мной – М.В.).

Оценка этого магического действия определялась тем, на чьём поле собиралась роса: если на чужом – то молочность коров, «спор» полей, отбирались у соседей в свою пользу (ведьмачество), если на своём поле – то санкционированная обществом магическая практика. Так, в Моравии верили, что в Филиппо-Якубскую ночь (перед 1 мая) ведьмы ходили по чужим полям, волоча за собой по росе полотно, которое потом отжимали и кропили этой росой свои поле и луг, чем отбирали урожай и «спор» у соседей. Тот, кто хотел «спору», удачи, тоже ходил ночью собирать росу. Если не желал при этом вредить другим, то собирал росу на своём поле, выжимал на свою корову или давал ей выпить (Агапкина – Валенцова – Плотникова 2004, с. 167).

Кроме того, каждая локальная традиция включает в оценочные критерии действий «знающих» людей свои специфические элементы, напр., в Карпатах значительно распространён мотив непреднамеренности сглаза, порчи и т. п., считается, что человек «не виноват» в том, что родился с таким «глазом», с такими способностями.

Многое из того, что общество осуждало (напр., внебрачную связь, незаконнорожденного ребёнка и т.п.) или что выходило за рамки средней нормы, тоже трактовалось в мифологическом, устрашающем ключе, напр.: ребёнок станет ведьмой (*морой* и т. п.), если и он сам, и его мать

– незаконнорожденные; если ребёнка кормили грудью более 2 лет; если «повторно» начали кормить грудью (Václavěk, 1894, s. 101 и др.) и т. п.

Само мифологическое мышление является фактом социальным, поскольку формируется в обществе и воспитывается в рамках данного общества. Например, уверенность в том, что количество благ конечно и чётко разделено между всеми членами общины в соответствии с их Долей, предполагает, что ведьмы, а также все, кто получает больше благ, чем другие (пусть даже своим умом и трудом), отнимают их у односельчан. Видимо, и знахарь, получивший от Бога особые способности, оценивался как человек, получивший в дар общую долю всего коллектива, поэтому он должен вернуть его часть сородичам, помогая и врачуя. Сам знахарь имел такую же позицию, поэтому плату за свою деятельность не назначал. Социум придавал большой вес пониманию человеком силы общественной пользы и готовности использовать свою силу на благо общины (села) – при воздействии на погоду, отгоне градовых туч, прекращении пожара, лечении и т. п. Сербские *змаи*, оберегавшие село от непогоды и града, считались добрыми защитниками, потому что действовали на благо села.

Наличие силы кодировалось в народной культуре также с помощью модели удвоения – чаще всего, души, сердца, самой жизни. Ведьмам, колдунам, облакопрогонникам (полудемонам, управляющим погодой, водящим грозовые и градовые тучи) приписывалось наличие двух душ (или двух сердец): словац. *dvojdušnica, dvojdušník, dva duchy mať, dve srdcia mať*, пол. *dwóch duchów, dwa serca meć*. Эти люди трудно умирали, а после смерти их вторая душа ходила пугать, вредить живым и высасывать их кровь и жизненную силу. По рассказам закарпатских украинцев, «есть такие люди, называются *двадушні, двадушникьи*, как у нас говорят *упирі, упирьяк*. Душа из них выходит, когда он захочет... а если упирь умрёт, то ещё ходит по свету» (Толстая, 2000, с. 69).

Чаще двоедушие маркирует наиболее сильных и наиболее опасных персонажей, как в тексте из закарпатского села Синевир: *Ворожіл', в-рожіл'а в отличие от босуркán', не двоєдушны. Могут отнимать молоко у коров. Босорканя двоєдушна, два дұха ма́је (в ней злой дух поселился). Босоркун из мёртвых* (Усачёва, 2008, с. 175).

К мифологическому мышлению относятся и представления о том, что колдуны сильнее и их больше (или просто много) на чужой территории, в чужом социуме – начиная от соседней деревни или района и кончая другим народом (Знатки, 201, с. 13; Щепанская, 2003 и др.). Чужой в профессиональном и социальном плане тоже маркировался как обладающий особыми «знаниями» в иной, чем крестьянская, сфере, и «знание»

это распространялось также на область сверхъестественного. Речь идёт «о специализации или социальной роли, поскольку с личностью колдуна связаны не только профессиональные, но также этико-социальные и коммуникативные нормы, регулирующие его взаимоотношения с членами коллектива» (Антчак 2005, с. 3). С такой ментальностью связано и признание «чужих» (заимствованных) терминов наиболее подходящими для обозначения злых колдунов и ведьм (о чём ниже).

Иногда считают, что дурной славой люди наделяются по простой случайности, совпадению: «Часто обвинение в колдовстве возникает из ничего: небольшая странность в поведении, внешности, речи односельчанина и совпавшая с нею по времени неприятность – и готово обвинение в колдовстве» (Знатки, 2012, с. 8). Однако любая случайность в традиционной культуре понимается как проявление закономерности, сродни той, которая заставляет приглашать того же самого «полазника» в дом и на следующее Рождество, если текущий год был успешным, то есть надо признать, что это результат того же мифологического мышления.

Не последнюю роль в социальном регулировании отношений со «знающими» играет уровень христианизации населения (осуждение церковью языческих практик и замена их церковными). В первую очередь, это переход языческих богов в статус демонов, позднее отождествлённых с ведьмами. У русских в Дмитровском уезде реликт жертвоприношения *первины* полевому духу был переосмыслен как отбирание урожая ведьмой: «Зажинают только три снопа и кладут их крестом. Делается это потому, что, по распространённому суеверию, «всё, что сжато в первый день, уйдёт в закромы к колдунье». Но к «кресту» она не сможет прикоснуться» (Зернова, 1932, с. 31). Или у старообрядцев-беспоповцев: «Этих волхвов так и называют „враги Бога“» (Респ. Коми – Сморгунова, 2002, с. 224).

Появление и распространение печатной книжной продукции было в значительной степени использовано социумом для формирования отношения к людям силы: «Полная систематизация колдунов, знахарей, ведьм, ворожек, предсказателей и прочих «знающих» людей дана в труде Матеуша Конечного, вышедшем в Праге в 1616 г. В нём автор выделяет восемь категорий лиц, которые сотрудничают с чёртом, чтобы приобрести сверхзнание: одни из них насылают порчу на людей и скот, другие предсказывают будущее, третьи строят прогнозы по звёздам, четвёртые разгадывают сны, пятые используют дьявольские приговоры и заклинания и т. п. (ср. следующие чешские термины: *věštcové, planetáři, čarodějnice, kouzelníci, losnoci, zaklinači, hadači, černokněžníci*). В результате не только вредоносная, но и хозяйственная и прогностическая магия (и даже попытки толкования снов) объявлялась преступной, доказывающей факт

богоотступничества и связи с дьяволом» (Виноградова, 2016, с. 83). По словам Л. Н. Виноградовой, западноевропейская средневековая церковь «перевела на язык демонологии» (выражение А. Я. Гуревича) практически всю повседневную ритуально-магическую практику людей традиционной культуры (Виноградова, 2016, с. 87).

Хотя социум и старается предопределить, является ли особая сила у некоторых людей положительной или отрицательной (связь с нечистой силой говорит о ведьмах, связь с Богом – о лекарях и знахарках: «Колдуны и колдуньи ближе к людям, чем ведьмы и ведьмаки. Ходят в церковь, но всё равно делают всё силой бесов» (Никифоровский, 1995, с. 73)), остаётся релевантной древняя амбивалентность человека силы, заставляющая членов общины пользоваться этой силой: «колдунов приглашают на все праздники, обращаются за советами при болезнях, просят разрушить чары и заклинания, просят помощи для наказания врага» (бел. – Никифоровский, 1995, с. 75).

Терминология людей силы⁶. Попытка классификации названий людей силы по семантическому принципу на «добрых» и «злых» в целом не увенчалась успехом в связи с амбивалентностью большинства персонажей и слишком большим семантическим разбросом терминов в диалектах.

Для многих терминов в текстах и словарях фиксируются оба значения, напр., 'ведьма/ведьмак': рус. *ведьма, ведьмица, ведун, ведуница, ведунья*, арханг. *вѣдун, вѣщун; ведьмачка, ведьмак, ведей, ведѣма*; перм. *ведьмака, ведьмарь*; урал. *ведун, вядун* – и 'знахарь/знахарка': арханг. *вѣдун, вѣщун, ведуница, ведьма, ведьмачка, ведьмак, ведей, ведѣма; ведун*; перм. *ведьмарь*; урал. *ведун, вядун*;

укр. *мудрий, непростий* – в обоих значениях; *чароділник, чароділниця, чарівник*, гуцул. *чередінник*, полес. *чародейка, чародейниця, чародельниця, чароўныця* – 'ведьма/ведьмак' и гуцул. *чародійник*, полес. *чаровник* – 'знахарь/знахарка';

словац. *vedma, vedomica, vedonkárka, vedomkyňa* – 'ведьма' и *vedma, vedomkyňa, vedomec, vedomník, vedúch, vedomkár, vedomkárka* 'знахарь/знахарка'; словац. *bohyňa, bogiňa* – 'ведьма' – и *bohyňa, zemský boh, rápnbožko, boh, bohoň* 'знахарь/знахарка'; словац. *vešťkyňa, veštec, veštica* – и 'ведьма/ведьмак', и 'знахарь/знахарка' и др.

⁶ Термины собраны из разных источников, указание на которые опущено в связи с ограниченным объёмом статьи, основная масса которых почерпнута из изданий: Раденковић 1999; Славянские древности; Хобзей, 2002.

«Общими» названиями, употребляемыми для называния обеих групп персонажей, являются по преимуществу лексемы с корнями: *věd-*, *vid-*, *věšt-*, *vľx-*, *zna-*, *vorg-*, *čar-*, *kud-*, принадлежащие к наиболее древнему пласту славянской лексики и отражающие древнее единство группы «знающих».

Вместе с тем, наблюдается тенденция к поляризации значений и формированию более однозначных терминов для двух противопоставляемых рядов персонажей, добрых и злых «знающих». Для этого используются, как правило, более поздние и более конкретные, дифференцированные термины, производные от названия определённого действия или предмета, используемого ведьмаком или знахарем, насылаемой или исцеляемой болезни и т. п.

Напр. ведьма/ведьмак: болг. *омайници*, *мамница*, *мамняк*, *мамяк*, *мамник*, *превземачка*, *приземница*, *бродница*, образованные от глаголов *мамя* 'манить, привлекать, притягивать', *вземам* 'брать, отбирать, отнимать', *бродя* 'бродить, слоняться'; рус. *порченик*, *порчельник* (от *порчить*), *урочливый*, *урочник*, *уротчик*, *призорщик*, *глазуны* (от *урочить* 'насылать уроки, сглазить'), *наговорщик*, *подговорщик*, *оговорщик* (от *оговаривать*), *думщик*, *передумщик*, *злодумливый*, *зломысленный человек*, *помышленники*, *мыслящие*, *памятный* ('кто наводит порчу думой, мыслью'), *ветренный человек*, *ветроносный человек*, *поветряный*, *противоветряный* ('который пускает слова или порчу по ветру или против ветра'), *грыжник* (насылающий грыжу), *икотник* (насылающий икоту), *ломотник*, *ломник* / *ломница* (насылающие ломоту) и просто *хитрые-мудрые люди*, *мудрецы*, *хитрецы*⁷.

Используются для называния ведьм и собственно имена нечистой силы: новг., яросл. *егибница*, *егибовна* (< Яга, баба-Яга), словац. *baba-Jaga*, *ježibaba*, серб. *vikodlačica*, *упирина*, *вила*, *вједогоња*, названия противников церкви: рус. *еретик*, *ерестун*, *еретник*, *еретица*, *еретница*, *чернокнижник*, словац. *čarnokňazník*, *černokňazník*, серб. *roganica*, *rogančina*, и просто экспрессивные наименования: серб. *проклетница*, *нечиста*, *бездушница*, *vragoduha*, *dušina*, *зла душа*.

Заметна актуализация со временем различения слов с корнями **věd-/*vid-* 'ведать', 'видеть', 'вещать', называющих отрицательных персонажей, и **zna-* (< **gnō-*, обозначающий врожденное знание), используемых в названиях положительных персонажей, т. е. приобретение этими корнями

⁷ Основная масса русских терминов взята из доклада Т. А. Агапкиной на конференции «Толстовские чтения 20» (Ясная Поляна, 27 – 29 июня 2016 г.).

«специализации» – ср., однако, амбивалентность лит. *žyпу s* ‘знахарь, колдун, жрец’.

Заимствованные названия относятся преимущественно к вредоносным персонажам: словац. *striga, strigôň*, словен. *štrija, štriga, šrigun, strižina*, карпаторус. *сприга, сприга*, русин. *спрыга*, хорв. *štriga, striga, štrigna, štrigon, strižica*, словац. *bosorka, bosorák, bosór*, карп.-укр. *босоркун, bosorkán'a, босорка, бисурка, пошурканя*, словен. *balavantar*, словен., хорв. *сopница*, болг. *джедия, джелія, желія*, болг. *магьосница, магесница, магешница, магесничарка*, серб. *маџесница, мађесница, ордуља, сихробазица* и др., в то время как семантика исконных корней смещается в позитивный спектр: словац. *veštica*, рус. *знахарь, знахорь*, пол. *wróź, woroźbyt* ‘знахарь / знахарка’.

Лексика знахарей, знахарок расширяется за счёт указания на их специализацию: использование трав (болг. *биярка*, словац. *zelinkárka*, рус. *травница, травеник*, серб. *биярица*), масел, мазей (словац. *olejkárka, mastičkárka*), заговоров (болг. *баячка*, серб. *бајач, бахорник*; словац. *začítačka*); действий: лечить (болг. *врачка*, рус. *лекарка, лечейка*), лечить от укуса змей (укр. *гадер, гадерка*), ладить (рус. *ладильщица*), шептать, заговаривать (с.-рус. *шептун, шептунья, словесник*, рус. диал. *бахора*, словац. *začítačka*, укр. *баї, баїля, баїльник*); свойств, характеристик (словац. *múdra žena, mondra baba*, пол. *mądry, mądra*, словац. *bohyňa, zemský boh, pánbožko, boh*, чеш. *bohyně, božec, božek, bůžek, bohyňář, boh, bůh, bohoň*, словен. *bogiňa*, укр. гуцул. *біг, бог, земний бог*).

Как видно, лексика знахарей – это по преимуществу производные от глагольных корней с «немагическими» значениями, а также от именных корней позитивной сферы (Бог, лад, мудрый).

Амбивалентность «знающих» обусловила и обратные семантические процессы в заимствованных демонидах, т. е. приобретение ими положительных коннотаций. Заимствование *strigôň* ‘ведьмак, вредоносный персонаж’ было соединено с названием главного пастуха, «бачи», который, по поверьям, знал магию: *bača-strigôň*, а затем, поскольку «бача» часто помогал людям, лечил и мог предвидеть и предсказывать будущее (ср.: *bača-jasnovidec, bača-liečiteľ, bača-porábač, bača-odrábač*), то сам термин *strigôň* получил возможность толкования с положительными коннотациями: «Так же, как и для богинь и знахарок, предполагалось, что часть *стригоней* обладала и полезными знаниями и способностями (лечение травами и заговорами, помощь при сглазе, предсказание будущего и т. п.). Такими *стригонями* считались особенно бачи...» (Encyklopédia 1995, s. 203).

Как общество использовало людей силы, было сказано в ходе статьи. Хотелось бы только привести цитату, в иронической художественной форме отражающую этот процесс: «В современном романе – футурологической антиутопии Татьяны Толстой «Кысь»⁸ – рассказывается, как после тамошнего государственного переворота был издан специальный указ: “Особо указали, чтобы чародеям, ворожеям, зелейникам, обаянникам, кудесникам, сновидцам, звездочётам, ведунам, лихим бабам и тем, кто чакры открывает-закрывает, ни-ни, ни Боженька мой, ни в коем разе не заниматься волхованием в частном порядке. Всем колдунам, а особо облакопрогонникам, считаться государственными людьми и всегда спать в одежде в ожидании срочного вызова”» (Сморгунова, 2002, с. 233 – 234).

ЛИТЕРАТУРА

- АГАПКИНА, Т. А. – ВАЛЕНЦОВА, М. М. – ПЛОТНИКОВА, А. А.: Май. In: *Славянские древности. Этнолингвистический словарь*. Под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 3. Москва: Международные отношения. 2004. С. 166 – 170. ISBN 5-7133-1207-0.
- АНТЧАК, В. К.: «Знающие люди» в традиционной культуре русских. Дисс. канд. ист. наук. Санкт-Петербург, 2005 (на правах рукописи).
- ВАРХОЛ, Н.: Жінка-демон у народному повір'ї українців Східної Словаччини. In: *Науковий збірник музею української культури у Свиднику*. За ред. І. Русинка. Пряшів: Словацьке педагогічне видавництво, 1982. № 10. С. 275 – 311. ISBN отсутствует.
- ВИНОГРАДОВА, Л. Н.: *Народная демонология и мифо-ритуальная традиция славян*. Москва: Индрик, 2000. 432 с. ISBN 5-85759-110-4.
- ВИНОГРАДОВА, Л. Н.: Цедилка. In: *Славянские древности. Этнолингвистический словарь*. Под общ. ред. Н. И. Толстого. Москва: Международные отношения. Т. 5. С. 481 – 485. ISBN 978-5-7133-1380-7.
- ВИНОГРАДОВА, Л. Н.: *Мифологический аспект славянской фольклорной традиции*. Москва: Индрик, 2016. 384 с. ISBN 978-5-91674-410-1.
- ВИНОГРАДОВА, Л. Н. – ЛЕВКИЕВСКАЯ, Е. Е. (сост.): *Народная демонология Полесья. Публикации текстов в записях 80-90-х годов XX века*. Т. 1. Люди со сверхъестественными свойствами. Москва: Языки славянских культур, 2010. 648 с. ISBN 978-5-9551-0446-1.
- ЗЕЛЕНИН, Д. К.: *Восточнославянская этнография*. Москва: Индрик, 1991. 511 с. ISBN 5-02-0165700-0.
- ЗЕРНОВА, А. Б.: Материалы по сельскохозяйственной магии в Дмитровском крае. In: *Советская этнография*, 1932, № 3. С. 15 – 52. ISSN отсутствует.

---

⁸ Толстая Т. Н. Кысь. Роман. Москва, 2001. С. 361.

- ЗНАТКИ, ведуны и чернокнижники. Колдовство и бытовая магия на Русском Севере. Под ред. А. Б. Мороза. Москва: Форум; Неолит, 2012. 592 с. ISBN 978-5-91134-680-5.
- КАРУЛИС, К.: К ятвяжскому словарю. In: *Балто-славянские исследования 1985*. Отв. ред. Вяч. Вс. Иванов. Москва: Наука, 1987. С. 134 – 140. ISBN отсутствует.
- НИКИФОРОВСКИЙ, Н. Я.: *Нечистики, свод простонародных в Витебской Белоруссии сказаний о нечистой силе*. Витебск: Н. А. Паньков, 1995. 85 с. ISBN 985-6124-02-6.
- ПЕТРОВ, В.: Вірування в вихор і чорна хороба. In: *Етнографічний вісник*. Кн. 3. За головним редагуванням акад. А. Лободи та В. Петрова. Київ, 1926. С. 102 – 116. ISBN отсутствует.
- ПЛОТНИКОВА, А. А.: *Этнолингвистическая география Южной Славии*. Москва: Индрик, 2004. 768 с. ISBN 5-85759-287-9.
- ПЛОТНИКОВА, А. А.: Амбивалентность оценки в традиционной народной культуре (на материале словаря «Славянские древности»). In: *Славянский альманах 2010*. Москва, 2011. 522 с. С. 252 – 260. ISSN 2073-5731.
- ПЛОТНИКОВА, А. А.: Амбивалентность оценок: мнимые противоречия. In: *Категория оценки и система ценностей в языке и культуре*. Москва: Индрик, 2015. 432 с. С. 81 – 92. ISBN 978-5-91674-343-2.
- РАДЕНКОВИЋ, Љ.: Називи вештице код балканских Словена. In: *Славянские этюды. Сборник к юбилею С. М. Толстой*. Москва: Индрик, 1999. С. 379 – 388. ISBN 5-85759-090-6.
- СБНУ: Сборникъ за народни умотворения и народопись. Книга XXXII. Кюстендилско крайще. От Й. Захариевъ. София: Българската академия на науките, 1918. ISBN отсутствует.
- СЛАВЯНСКИЕ ДРЕВНОСТИ: *Славянские древности. Этнолингвистический словарь*. Под общ. ред. Н. И. Толстого. Москва: Международные отношения. Т. 1. 1995. С. 241 – 242, 297 – 301, 367 – 368; Т. 2. 1999. С. 347 – 350, 528 – 534; Т. 3. 2004; Т. 4. 2009. Т. 5. С. 182 – 185. ISBN 5-7133-0703-4.
- СМОРГУНОВА, Е.: Два мира народной медицины: «Божьи противники – людские помощники». In: *Между двумя мирами. Представления о демоническом и потустороннем в славянской и еврейской культурной традиции*. Вып. 9. Москва, 2002. С. 219 – 234. ISBN 5-901683-53-6.
- СРНГ 2 – Словарь русских народных говоров. Вып. 2. Москва: Наука, 1966.
- ТОЛСТАЯ, С. М.: Кормление скота. In: *Славянские древности. Этнолингвистический словарь*. Под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 2. Москва: Международные отношения, 1999. С. 606 – 608. ISBN 5-7133-0982-7.
- ТОЛСТАЯ, С. М.: Славянские мифологические представления о душе. In: *Славянский и балканский фольклор. Народная демонология*. Отв. ред. С. М. Толстая. Москва: Индрик, 2000. 400 с. С. 52 – 95. ISBN 5-85759-004-3.
- ТОЛСТАЯ, С. М.: Молоко. In: *Славянские древности. Этнолингвистический словарь*. Под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 3. Москва: Международные отношения, 2004. С. 284 – 288. ISBN 5-7133-1207-0.

- ТРЕФИЛОВА, О. В.: Юрьев день. In: *Славянские древности. Этнолингвистический словарь*. Под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 5. Москва: Международные отношения. С. 601 – 607. ISBN 978-5-7133-1380-7.
- УСАЧЁВА, В. В.: Этнокультурная и языковая интерференция в карпатском регионе. In: *Карпато-балканский диалектный ландшафт: Язык и культура*. Памяти Галины Петровны Клепиковой: Сб. статей. Отв. ред. А. А. Плотникова. Москва: Индрик, 2008. 480 с. С. 158 – 179. ISBN 978-5-7576-0216-5.
- ХОБЗЕЙ, Н.: *Гуцульська міфологія. Етнолінгвістичний словник*. Львів: Інститут українознавства НАН України, 2002. 216 с. ISBN 966-02-2299-8.
- ЩЕПАНСКАЯ, Т. Б.: Власть пришельца: атрибуты странника в мужской магии русских. In: *Символы и атрибуты власти. Генезис. Семантика. Функции*. Санкт-Петербург: МАЭ, 1996. 316 с. С. 72 – 101. ISBN 9785884310339.
- BAZYLAK, P.: *Czarownice – kulturowy obraz na tle historii*. [cit. 2016-10-16]. Dostępne na internete: <http://wiedzaiedukacja.eu/archives/2160>.
- BERKA, A.: *Słownik kaszubski porównawczy*. Warszawa: Józef Jeżyński, 1891. 196 s. ISBN отсутствует.
- BUŽEKOVÁ, T.: *Nepriateľ zvnútra: nadprirodzená hrozba v ľudskej spoločnosti*. Bratislava: VEDA, 2009. 144 s. ISBN 978-80-224-1091-5.
- ENCYKLOPÉDIA ľudovej kultúry Slovenska. D. 2. Bratislava: VEDA, 1995. 448 s. ISBN 80-224-0235-4.
- HORVÁTHOVÁ, E.: *Rok vo zvykoch nášho ľudu*. Bratislava: Tatran, 1986. 248+40 s. ISBN 61-794-86.
- LEHR, U.: Wierzenia demonologiczne we wsi Obidza (region Sądecki) w świetle badań empirycznych. In: *Lud*. T. 66. Wrocław; Poznań: Polskie Towarzystwo Ludoznawcze, 1982. S. 113 – 149. ISBN 10: 0000761435, ISBN 13: 9780000761439.
- VÁCLAVEK, M.: *Moravské Valašsko: Lidopisné obrazy příspěvkem ke kulturním dějinám českým*. D. 1. Vsetín: J. Slovák, 1894. 177 s. ISBN отсутствует.

ГЛАЗА В ЗЕРКАЛЕ МАКРОКОСМА: СОПОСТАВЛЕНИЕ СОМАТИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ С ОБЪЕКТАМИ ЖИВОЙ И НЕЖИВОЙ ПРИРОДЫ

Мария Ясинская

THE EYES IN THE MIRROR OF MACROCOSM: COMPARING SOMATIC LEXICON WITH THE LIVING AND NON-LIVING NATURE OBJECTS

Abstract: The article analyzes the related meanings of words denoting *the eyes* – the part of body and the organ of vision of a person – in the Slavic languages (*glaz*, *oko* and their derivatives). The conceptions of his body man extrapolates to the objects of nature. The word *eye* and its derivatives may designate: a water pond, a window, small round object. In the language and traditional beliefs of the Slavs eyes are connected with the heavenly bodies, water. The basis of semantic transfer may serve external formal features of the similarity of shape and color (eyes – small round shiny objects), and the deep oldest conception of the structure of the eye (the eyes are liquid, eyes are light, eyes are the window through which the soul comes out after death).

Keywords: eyes, Slavic languages, ethnoлингuistics, folklore, semantics, related meanings.

Традиционной картине мира присущ глубинный антропоцентризм: своё строение тела, действия, чувства и переживания человек переносит на окружающие его предметы и явления: печь, дом, дерево, структуру семьи и общества, и даже Космос (вселенную) в целом. Эти представления играют важнейшую роль в семиотизации и структурировании пространства (Володина, 2001, с. 309). Поэтому части тела человека в народных верованиях и языке оказываются связанными с различными явлениями природы, а также материальными объектами, то есть «структурные элементы в модели человеческого тела имеют соответствия в макрокосме и тождественны им» (Мазалова, 2001, с. 6). Рассмотрим данное явление на примере славянских представлений о глазах и зрении.

Для традиционной антропологии славян (и не только их) характерно представление о происхождении глаз человека от **небесных светил** (солнца, звёзд). Согласно народному преданию, происходят: «от земли тело [человека], от моря кровь, от солнца очи, от камня кости, от облака мысли, от ветра дух, от света свет, от Святаго Духа разум» (казан.) (Зеленин, 1915, с. 567). Глаза сопоставляются со звёздами в русской загадке: «Две звёздочки маленьки всё поле мне светят» (кур.) (Садовников, 1876, с. 221). У поляков и лужицан запрещалось пересчитывать звёзды

на небе, что мотивировалось опасением «выколоть Богу глаз» (Кабакова, 2012, с. 47).

Подобно светилам, глаза сами могут мыслиться как светящиеся объекты, то есть свет поступает не извне, источник света расположен внутри глаза (ср. рус. диал. *тёмный* 'слепой'). У балканских народов бытует представление, что в глазах расположены светоносные жилы («жили на светлостта»), и если они разорвутся, зрение будет навсегда утрачено (Галанова, 2011, с. 284). Глаза живого человека испускают свет (ср. *глаза блестят, глаза светятся, горящий взгляд*), у мёртвого глаза *меркнут* (*свет теряется, потухший взор*) (Левкиевская, 2009, с. 566).

С другой стороны, глазам уподобляются небесные светила: в мифологических текстах они выступают в качестве глаз божества, или же сами светила представляются божествами, обладающими глазами, которые взирают с неба на всё сущее (Младенова, 2002, с. 73).

Другим природным объектом, с которым обнаруживают связь глаза, является **вода**. Согласно наивным языковым представлениям и народным верованиям, глаз выступает как жидкая субстанция. Подобное предположение можно сделать из косвенных свидетельств о том, что глаз можно «выпить», «высосать», он может «вытечь». Свидетельство этому встречается и в текстах болгарских проклятий: *Да му изтекатъ очитъ* [Чтоб у него глаза вытекли] (Дабева, 1934, с. 41). *Истекле ти очитъ* [Пусть у тебя вытекут глаза]. *Капнали му очитъ* [Чтобы у него глаза капля по капле вытекли] (Там же, с. 44). *Да му изтекатъ очитъ* [Чтоб у него глаза вытекли] (Дабева, 1934, с. 41). Глаза «выпивают», «высасывают» птицы, осы, змеи. *Змии ти очитъ изпили* [Пусть змеи твои глаза выпьют] (там же, с. 15). Представление о глазах как жидкости (а также о связи света и глаз) находит подтверждение в южнославянских легендах о змее и солнце, повествующих о выпивании змеей солнечного света. Болгары рассказывают, что змея высосала один или несколько глаз солнцу, которое некогда имело два (или множество) глаз. В Босанской Краине и Лике выпитое змеей солнце, которое иногда зимой можно увидеть сквозь облака, называется «слепым солнцем» (Гура, 1997, с. 283). На Балканах существует представление, что сам глаз может пить, поглощать (ср. рус. фразеологизм *есть глазами*).

В болгарском фольклоре глаза уподобляются водным источникам: *очите са тако извори* (Галанова, 2011, с. 284). В образе водоёма (моря) представлены глаза и в русской загадке о соринке в глазу: «Пал дуб в море; море плачет, а дуб нет» (пск.) (Садовников, 1876, с. 222). Лексемы, производные от *glaz-*, в значении 'водоём (отверстие, заполненное водой)' встречаются в русских диалектах: *глазник* – 'омут, топкое место,

окно с чистой водой на поверхности зарастающего озера, 'яма с водой для вымачивания льна', *глазина, глазовина* 'лужа или топкое место на моховом болоте' (СРНГ, 6, с. 184), *глазок* 'сосуд, вмещающий небольшое количество чего-либо' («масинька рюмочка, таким *глазком* пьют») (пск.) (ПОС, 6, с. 177) и т. п. Лексема *oko* в значении 'водоём' встречается и в других славянских языках. Например, словац. *morské oko* 'высокогорное озеро' (VSRS, 2, s. 734), пол. краков. *morskie oko* 'горное озеро' (Kolberg, 7, s. 4; SSSL, 1, s. 390), словен. диал. *oko* 'затон' (Lokar, 1937, s. 111; ЭССЯ, 32, с. 41), укр. диал. *воко* 'углубление в скале, из которого течёт вода' (Марусенко, 1968, с. 222; ЭССЯ, 32, с. 41). У балканских народов распространены легенды о происхождении водоёмов и источников в тех местах, куда «упали» глаза невинно убитых людей, или из глаз мифических существ самодив, которых повергли эпические богатыри (Галанова, 2011, с. 286).

Косвенным признаком, свидетельствующим о связи глаз и воды, является языковая метафора: например, глаза (взгляд) могут *помутиться* (рус.) (мутной, непрозрачной, может быть жидкость или стекло – нечто в норме прозрачное). В представлении о глазах как о жидкой субстанции, очевидно, не последнюю роль сыграла связь глаз со слезами (см. фразеологизмы *выплакать все глаза, глаза на мокром месте*). В русской загадке: «Кругло, горбато, около лохмато; придёт беда – потечёт вода» (самар.) (Садовников, 1876, с. 221 – 222).

Именно вода занимает важное место в лечении глазных болезней, а также болезней, причинённых с помощью взгляда (*сглаза*). Например, польский гурал, прогоняя скот через бегущую воду, закапывает её скотине в глаза, чтобы та не слеpla (Barthel de Weydenhtal, 1923, s. 44). Лечение глаз водой может быть обусловлено таким свойством воды, как прозрачность (рус. диал. *зрячая вода* 'прозрачная вода' – СРНГ, 11, с. 351): соприкасаясь с глазами, вода смывает с них все препоны, препятствующие видению, и магическим образом наделяет их острым зрением. Болезнь глаз, слепота называется *тёмная вода*: с.-рус. *тёмная вода подступила*, сибир. *в глазах тёмная вода разлилась*, вологод. *очернить* 'ослепнуть', с.-рус. *глаза вытекли* (Кабаклова, 2012, с. 46).

Тело человека соотносится не только с природными объектами, но и с объектами, созданными руками человека, например, с жилищем, которое, в свою очередь, сопоставляется как с человеком, так и с внешним миром. По замечанию Т. В. Цивьян, «с одной стороны, дом принадлежит человеку, олицетворяя вещный мир человека. С другой стороны, дом связывает человека с внешним миром, являясь в определённом смысле репликой внешнего мира, уменьшенной до размеров человека» (Цивьян, 1978, с. 65). Это объясняет языковые и символические «перекодировки

между частями человеческого тела, элементами космоса и деталями дома» (Байбурин, 1983, с. 11). В частности, модель человеческого тела проецируется на дом и его фрагменты, при этом глазам соответствуют **окна**. Славянское *okno* (*okъno) этимологически родственно слову *oko* (ЭССЯ, 32, с. 45 – 47). Тенденция называть окно 'глазом' отмечается независимо в разных языках: ср. арм. *akan* 'bucio fatto nel muro', англ. *window* 'окно' – 'глаз ветра' (ЭССЯ, 32, с. 47). В архангельских говорах лексема *глаза* означает 'окна со стороны фасада дома': «дерёвня стоид *глазáми* на юк»; 'фасад печи': «пéчька-то была в эту стóрону *глазáми*» (АОС, 9, с. 87). Следует отметить, что в целом соматическая терминология (в частности, названия частей лица) активно участвует в номинации фрагментов жилища, печи. Например: *глаза* (арх.) 'окна на лицевой стороне дома' (СРНГ, 6, с. 184; АОС, 9, с. 87 – 88), *веко* (твер.) 'полка над лавками вокруг избы' (СРНГ, 4, с. 101), *бровка, бровь* (арх.) 'карниз над дверью или над окном' (СРНГ, 3, с. 183 – 184), *чело* 'наружное отверстие русской печи' (Даль, 4, с. 605), *устье* (печи) 'топка' (Даль, 4, с. 514). Логически сопоставление окон с глазами объясняется тем, что через окна в дом проникает свет, они, так же как и глаза, дают возможность видеть, различать предметы (ср. болг. *прозорец*, серб. *прозор* 'окно').

Глаз сопоставляется с жилищем и окном в русской загадке: «Стоит палата, кругом мохната, одно окно и то мокро» (волог.) (Садовников, 1876, с. 222). Окна мыслятся как «глаза» дома. Согласно украинской легенде, первый дом был создан без окон, и чтобы осветить свой дом, женщина пыталась наносить решетом внутрь солнечного света. Тогда ангел прорубил в хате окно, а чтобы в доме не было холодно, закрыл его рыбьим пузырьком (Булашев, 1909, с. 164). Согласно другой этиологической легенде, первый дом построил сатана (или Бог и сатана вместе), но окна в доме прорубил Бог (Чубинский, 1, с. 100). Таким образом, появление в доме окон («глаз» дома) связывается с действиями светлых сил – Бога и ангелов. Подобно как глаза мыслятся неотъемлемой частью тела человека (а зрение – основной признак живого человека, отличающий его от мёртвого), окна представляются необходимой частью человеческого жилища, которому противопоставляется нежилое жилище покойника – гроб – дом без окон. Ср. в причитании: «Што вы деете холодную хоромину – не мшёнуню; Не обнесены брусовы белы лавочки, Не прорублены косевчаты окошечка, Не врезаны стекольчаты околенки» (Барсов, 1, с. 94).

Подобно окнам, глаза мыслятся как **отверстия**. Болгары полагают, что «окоето е като прозорец и при заболяване получава перде» [Глаз как окно, во время болезни его заслоняет завеса] (Галанова, 2011, с. 284). Значение 'отверстие' подтверждается этимологией таких лексем как

зеница, зенки, восходящих к *zijati, *zinḡti 'раскрывать проход в пустое пространство' (Черных, 1, с. 324). Семантическому переносу *глаз(ок)*, *очко* 'орган зрения' – 'отверстие' способствует также идея смежности: в отверстие можно заглянуть, прижавшись к нему глазом. Таким образом диминутивы от слов *око* (*очко*) и *глаз* (*глазок*, *глазик*) подвергаются десемантизации: утрачивают значение уменьшительно-ласкательного наименования глаза (органа зрения) и начинают означать отверстия, сохраняя сему «небольшой». Лексемы *глаз*, *глазок*, *очко* в значении 'отверстие' в широком смысле слова встречаются в русских диалектах: *глазок* 'отверстие в доменной печи' (урал., перм.), 'отверстие в центре верхнего жернова' (алт.); *глаз*, *глазок* – 'ячейка сети' (астрах., пск.), *глазко* – 'устье печки', *глазки* 'отверстия на носу лодки, через которые проходит якорная цепь' (пск.) (СРНГ, 6, с. 189). Значение 'отверстие' имеют диминутивы от лексем *око* и *глаз* в современном русском литературном языке: *очко* улья, *очко* доменной печи (Ожегов, 1984, с. 419); *глазок* – 'небольшое круглое отверстие в чём-нибудь (обычно для надзора, наблюдения) (там же, 114).

Тезис, что глаз мыслится как отверстие, подтверждается мифологическими представлениями о том, что душа в момент смерти покидает тело через глаза: поляки Силезии считали, что душа пребывает в глазах, в момент смерти у человека лопаются (*prękają*) глаза, и таким образом выходит душа (Moszyński, 1967, s. 594); после смерти душа в виде слезы выкатывается из глаз покойника: „...*stary wieśniak żywiecki twierdził, jakoby ludzie tak oto mówili: „jak człowiek umrze, to z oka wyjdzie łza i to jest dusza, która wyszła z ciała”* (там же). В Полесье считали: «душа вышла – выйде дыхание, дыхнет два раза, слёзы выкатят з очей; так само и у скотины» (Стодоличи Лельчиц. р-на Гом. обл.) (Толстая, 2000, с. 65). На Карпатах также полагали, что душа покидает тело через глаза: «*Душья при смерти виходит очима. Ёк чоловік послідний раз глипне очима, то й душья у ті минуткі виходит*» (Гнатюк, 1912, с. 305). В представлении русских крестьян, после смерти лопались глаза колдуна (в результате мучительного расставания души и тела): «лежит мёртвый: глаза выворочены, язык вырван и брошен» (Власова, 1995, с. 158).

Основываясь на внешнем сходстве, диминутивы, производные от *ока* и *глаза*, часто обозначают **небольшой круглый предмет**, напоминающий глаз по форме. Ещё в словаре И. И. Срезневского слово *очько* отмечено в значении 'круглый значок, точка' (в применении к графическому знаку для обозначения крюковых нот), *очьце* 'яблочко гранатное' (Срезневский, 2а, с. 849 – 850). Современные диалектные словари дают следующие значения диминутивов: *очёк* 'ячейка рыболовной сети'

(смол.), отсюда *очковая рыба* – ‘рыба, которая проходит через ячейку сети’ (СРНГ, 25, с. 60), *глазок* ‘кусочек берегового льда’, ‘ягода морошки’ (карел.), ‘незрелая ягода морошки’ («незрелую морошку зовут морошкой в *глазках*, *глаза* у ней ещё не открыты»), ‘стекло очков’, ‘насечка на весах’ (карел.), ‘драгоценный камень в ювелирном украшении’, ‘петля в вязании’ (для сравнения – словац. *oko* ‘вязаная петля’) (СРНГ, 6, с. 189); ‘пестик у цветка’ (пск.) (ПОС, 6, с. 176), *глазнички* – ‘бусы’, ‘малёк рыбы’ (СГРС, 3, с. 32); ср. словац. *morské oči* (Prievidza) – сорт слив (SSN, 2, s. 191). В современном русском языке: *глазок* – ‘почка, срезаемая с растения для прививки; пигментное пятно в окраске насекомых; пятнышко в рисунке ткани’ (Ожегов, 1984, с. 114).

Несколько отличный круг смежных значений демонстрируют лексемы, означающие зрачок. Параллельно они могут иметь такие значения, как ‘зеркало’, ‘окно’ и др. Например, *глядельце*, *зеркало* – и ‘зрачок’, и ‘зеркало’. В ситуации с зеркалом, как и в случае с отверстием, может иметь место семантический перенос по смежности: ‘орган зрения’ – ‘объект, в который смотрят(ся)’, впрочем, невозможно исключить и мотивацию семантического сдвига по сходству: глаз и зеркало имеют блестящую поверхность, в глазу, как в зеркале, отражаются объекты, на которые смотрит человек.

В других славянских языках, например, сербском, лексема *зеница* ‘зрачок’, развивает вторичные значения, связанные с оценкой – ‘то, что важно, существенно’, ‘суть дела’, ‘самое дорогое’: ‘нешто најдрагоценије, што се најбрижљивије чува’ (РСКЈ, 2, с. 301; РСКНЈ, 7, с. 12). Аксиологическое значение зрачка выражено также во фразеологизме библейского происхождения *сохранити јако зеницу ока*: рус. «беречь как *зеницу ока*», болг. «пазя го ката *зеницата на око*то си» (Галанова, 2011, с. 284), словац. *zachovat’, opatrovat’, ostrihat’ koho ako zretedlnicu / zrete(d) lničku oka svojho* (HSSJ, VII, s. 391 – 392), словен. *paziti na koga kot na zenico svojega očesa* (SSKJ s.v. Zenica).

«Глазная» терминология участвует также во вторичных номинациях, **названиях растений и насекомых**, например: *волчий глаз*, *вороний глаз*, *павлиний глаз*, *васюткины глазки*, *весёлые глазки*, *анюткины глазки*, *очи царские* ‘лекарственное растение, употреблявшееся от сглаза и для «одоления врага»’ (СРНГ, 23, с. 131). В данном случае, очевидно, имеет место перенос по сходству: цветы или ягоды растений по форме и цвету напоминают глаз (например, *вороний* или *волчий глаз* – растения с чёрными ягодами; *павлиний глаз* – бабочка, на крыльях которой имеется узор, похожий на глаз).

Таким образом, представления о *глазах* (части тела человека и органа зрения) проецируются на объекты живой и неживой природы, соответственно происходят семантические переносы: лексика семантического поля «зрение» начинает употребляться для обозначения других объектов. Основанием часто является чисто формальный признак – сходство по форме (этот принцип лежит в основе наименования «глазками» небольших круглых блестящих предметов) или перенос по смежности (глазок – это отверстие, в которое можно заглянуть, через которое проникает свет). С другой стороны, характер объектов, в номинации которых участвует «глазная» терминология, позволяет пролить свет на древнейшие представления о глазах и зрении: например, наименование «глазами» водоёмов свидетельствует о том, что глаз, согласно традиционным представлениям, часто воспринимался как жидкая субстанция; наименование «глазками» различных отверстий перекликается с представлениями о том, что глаза являются отверстиями в теле человека, через которые проникает свет, через них из тела выходит душа и пр. Сопоставление глаз со светилами подтверждает, что зрение мыслилось как внутренний свет, изначально присущий глазу, а слепота – как отсутствие этого света.

ЛИТЕРАТУРА

- АОС. *Архангельский областной словарь*. Под ред. О. Г. Гецово́й. Москва: Изд-во МГУ, 1980–. Вып. 1–.
- БАЙБУРИН, А. К.: *Жилище в обрядах и представлениях восточных славян*. Ленинград: Наука, 1983. 191 с.
- БАРСОВ, Е. В.: *Причитанья Северного края, собранные Е. В. Барсовым*. Изд. подгот. Б. Е. Чистова, К. В. Чистов. Т. 1. Санкт-Петербург: Наука (Литературные памятники), 1997. 500 с. ISBN 5020283037, 9785020283039.
- БУЛАШЕВ, Г. О.: *Украинский народ в своих легендах и религиозных воззрениях и верованиях*. Вып. 1: Космогонические украинские воззрения и верования. Киев, 1909. 515 с.
- ВЛАСОВА, М. Н.: *Новая абевега русских суеверий*. Санкт-Петербург: Северо-Запад, 1995. 383 с. ISBN 5-8352-0469-8.
- ВОЛОДИНА, Т. Н.: *О некоторых особенностях наивной антропологии в поверьях и фразеологизмах*. In: *Rossica Olomucensia*. 2001, XL. Olomouc, с. 309 – 315. ISSN 0139-9268.
- ГАЛАНОВА, М.: *Представи за око̀то и зрението в традиционната култура на славяноезичните балкански народи*. In: *Етнографски проблеми на народната култура*. Т. 8. София, 2011, с. 283 – 318. ISBN 978-954-322-474-6.
- ГНАТЮК, В.: *Похоронні звичаї й обряди*. In: *Етнографічний збірник*. Львів, 1912. Т. 31 – 32.

- ГУРА, А. В.: *Символика животных в славянской народной традиции*. Москва: Индрик, 1997. 912 с. ISBN 5-85759-056-6.
- ДАБЕВА, М.: *Български народни клетви. Принос към изучаването на народната душа и народния живот*. София, 1934. 139 с.
- ДАЛЬ, В. И.: *Толковый словарь живого великорусского языка*. Изд. 2. Санкт-Петербург; Москва, 1880 – 1882. Т. 1 – 4. Фотомеханическое воспроизведение. Москва, 1978 – 1980. Изд. 3. Под ред. И. А. Бодуэна-де-Куртенэ. Санкт-Петербург, 1903 – 1909. Т. 1 – 4.
- ЗЕЛЕНИН, Д. К.: *Описание рукописей Ученого архива Императорского Русского географического общества*. Вып. 2. Петроград, 1915.
- КАБАКОВА, Г. И.: *Слепота*. In: *Славянские древности. Этнолингвистический словарь* под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 5. Москва: Международные отношения, 2012. С. 46 – 49. ISBN 978-5-7133-1380-7.
- ЛЕВКИЕВСКАЯ, Е. Е.: *Свет-тьма*. In: *Славянские древности. Этнолингвистический словарь*. Под общ. ред. Н. И. Толстого. Москва: Международные отношения, 2009. Т. 4. С. 565 – 567. ISBN 978-5-7133-1312-8.
- МАЗАЛОВА, Н. Е.: *Состав человеческий. Человек в традиционных соматических представлениях русских*. Санкт-Петербург: Петербургское востоковедение, 2001. 192 с. ISBN 5-85803-175-7.
- МАРУСЕНКО, Т. А.: *Материалы к словарю украинских географических апеллятивов (названия рельефов)*. In: *Полесье (Лингвистика. Археология. Топонимика)*. Москва, 1968. С. 206 – 255.
- МЛАДЕНОВА, Д.: «Глаза» и «зрение» небесных светил: *связь концептов света и зрения в балканских языках и традиционной культуре*. In: *Славяноведение*, 2002, №6, с. 72 – 86. ISSN 0132-1366.
- ОЖЕГОВ, С. И.: *Словарь русского языка*. Изд. 16-е, испр. Москва: Русский язык, 1984. 797 с.
- ПОС. *Псковский областной словарь с историческими данными*. Вып. 1–. Ленинград: Изд-во Ленинградского университета, 1967–.
- РСКЈ. *Речник српскохрватскога књижевног језика*. Нови Сад; Загреб, 1967 – 1976. Књ. 1 – 6.
- РСКНЈ. *Речник српскохрватског књижевног и народног језика*. Београд, 1959–. Књ. 1–.
- ТОЛСТАЯ, С. М.: *Славянские мифологические представления о душе*. In: *Славянский и балканский фольклор. Народная демонология*. Москва: Индрик, 2000, с. 52 – 95. ISBN 5-85759-004-3.
- САДОВНИКОВ, Д.: *Загадки русского народа*. Санкт-Петербург, 1876.
- СГРС. *Словарь говоров Русского Севера*. Т. 1–. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2001–. ISBN 5-7525-0999-8.
- СРЕЗНЕВСКИЙ, И. И.: *Материалы для Словаря древнерусского языка по письменным памятникам*. Т. 1 – 3. Санкт-Петербург, 1893 – 1903. ISBN отсутствует.
- СРНГ. *Словарь русских народных говоров*. Гл. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов. Вып. 1–. Москва; Ленинград (Санкт-Петербург): Наука, 1965–. ISBN отсутствует.

- ЦИВЬЯН, Т. В.: «Дом» в фольклорной модели мира (на материале балканских загадок). In: *Труды по знаковым системам*. 10. Тарту: Изд-во Тартусского университета, 1978, с. 65 – 85. ISBN отсутствует.
- ЧЕРНЫХ, П. Я.: *Историко-этимологический словарь современного русского языка*. Т. 1 – 2. Москва: Русский язык, 1994. ISBN 5-200-02282-7.
- ЧУБИНСКИЙ, П. П.: *Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западно-Русский край, снаряженной Императорским Русским географическим обществом: Юго-Западный отдел*. Материалы и исследования, собранные д. чл. П. П. Чубинским. Санкт-Петербург, 1872 – 1878. Т. 1 – 7. ISBN отсутствует.
- ЭССЯ. *Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд*. Под ред. О. Н. Трубачёва. Москва: Наука, 1974–. Вып. 1–. ISBN отсутствует.
- BARTHEL DE WEYDENTHAL, M.: *Uroczne oczy*. Lwów, 1922. 51 s. ISBN отсутствует.
- HSSJ. *Historický slovník slovenského jazyka*. I. – VII. Red. M. Majtán. Bratislava, 1991 – 2008. ISBN 80-224-0228-1.
- KOLBERG, O.: *Dzieła wszystkie*. Wrocław; Poznań, 1961 – 1985. Т. 1 – 60. ISBN отсутствует.
- LOKAR, J.: *Lovsko-ribiški slovar*. Ljubljana, 1937. 124 s. ISBN отсутствует.
- MOSZYŃSKI, K.: *Kultura ludowa Słowian*. Warszawa, 1967. Т. 2, cz. 1. Kultura duchowa. 836 s. ISBN отсутствует.
- SSKJ. *Slovar slovenskega knjižnega jezika*. Ljubljana, 1970 – 1991 (<http://bos.zrc-sazu.si/sskj.html>).
- SSN. *Slovník slovenských nářečí*. Red. I. Ripka. Bratislava, 1994–. ISBN 80-224-0183-8.
- SSSL. *Słownik stereotypów i symboli ludowych*. Red. J. Bartmiński. Lublin, 1996 (Cz. 1); 1999 (Cz. 2); 2012 (Cz. 3; Cz. 4). ISBN 83-227-1377-0.
- VSRС. *Veľký slovensko-ruský slovník*. Diel I. – VI. Большой словацко-русский словарь. Т. I – VI. Bratislava, 1979 – 1995. ISBN 978-80-224-0433-8.

ПАРОДИЙНЫЙ ДИАЛЕКТНЫЙ РАЗГОВОРНИК: СПЕЦИФИКА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ В ИНТЕРНЕТЕ И ТЕХНИКА КОМИЧЕСКОГО

Дарья Ващенко

PARODIED DIALECT CONVERSATION: SPECIFICS OF FUNCTIONING ON THE INTERNET AND COMIC TECHNIQUES

Abstract: The article analyzes the methods of creating a comic effect in English-East Slovak dictionary and Sharish-Slovak dictionary posted in the Slovak segment of the Internet. These texts are parodies of the phrasebook, written in the literary language, but in dialect tagged idiom. We consider that such methods increase expressiveness by using of pejorative language, replacement of indirect speech acts straight, and different interpretation of the initial situation. The usage of these techniques reflects the ethnic and cultural stereotypes that are present in the mind of the anonymous compiler of the dictionary.

Keywords: dialectology, Internet linguistics, parodization, lexicography

Предметом рассмотрения в данной статье будет такой специфический вид непрофессиональных лексикографических описаний, как пародийные словари. На материале двух словацких диалектных интернет-словарей (разговорников) мы покажем основные приёмы пародирования в них, а также продемонстрируем характерные особенности, специфичные для жанра, бытующего во всемирной сети.

При всей специфике Интернета как особой коммуникативной среды, он всё же представляет собой феномен национального языка, поэтому естественным образом в него проникают элементы различных страт, и в частности, территориально маркированной речи. Особенно актуальным представляется исследование сетевого функционирования локальных языковых идиомов на материале языков, где диалектная дифференциация функционирует по сей день, в т. ч. словацкого. Диалектная речь распространена в сети достаточно широко, при этом, само собой, сетевой диалектный идиом носит смешанный характер и включает в себя также элементы литературного языка, разговорной и интернет-специфичной речи. Далее мы для удобства изложения будем пользоваться термином «диалект», осознавая его условность применительно к нашему материалу. Диалектная речь бытует в сети в различных формах. Это могут быть лексические вкрапления, отдельные реплики (части реплик) в форумах, тематических группах в социальных сетях. Кроме того, существует определённое количество порталов, где

контент представлен преимущественно на диалекте – подробнее см. об этом в наших предыдущих статьях – ср. (Ващенко, 2015; Ващенко, 2016). Не менее обширное распространение в сети имеют метадиалектные рефлексивы – вслед за М. Р. Шумариной мы различаем метаязыковые рефлексии как ментальный процесс и метаязыковые рефлексивы как конкретные контексты с соответствующим содержанием (Шумарина, 2011, с. 17). Пользователи пытаются осмыслить, систематизировать и зафиксировать свои знания о локальном идиоме (своём либо, реже, чужом). Одной из форм систематизации собственных наблюдений является диалектный интернет-словарь. При этом не следует забывать, что и многие интернет-жанры имеют досетевые корни и внесетевые аналоги, об этом см., в частности, (Сидорова, 2006). Это полностью применимо к непрофессиональным диалектным словарям. Внесетевую параллель диалектного интернет-словаря являют окказиональные словари и словарики, которые составляют жителями региона (Бондаренко, 2015). В свою очередь исследователи, которые занимаются проблемами интернет-коммуникации, отмечают, что в пространстве всемирной сети стираются границы между авторским и коллективным, профессиональным и любительским. Так, А. Беловодская, исследуя проблему сетевой пародии, отмечает, что «произведения сетевого искусства, благодаря высокой степени доступности современных ИТ, чаще всего создаются непрофессионалами и имеют любительский характер» (Беловодская, 2012, с 128).

По сравнению с внесетевыми, интернет-словари вписаны в более широкий семиотический и коммуникативный контекст. Свою роль в функционировании словаря играют страница размещения, её графическое оформление и посещаемость. Словарь может предполагать последующее обсуждение представленной в нём лексики. Один и тот же словарь, благодаря системе репостинга и перекрёстных ссылок, может быть одновременно размещён на разных порталах. В методологическом плане исследование подобных лексикографических описаний сопряжено ещё с одной сложностью: эти словари могут появляться и бесследно исчезать, поэтому сам корпус текстов является не просто открытым, но трансформируемым. Диалектный сетевой словарь не представляет собой раз и навсегда фиксированный текст: модераторы страницы в т. ч. на основе отзывов пользователей могут расширить/видоизменить его, тем самым текст словаря является принципиально возобновляемым ресурсом.

Особую разновидность таких словарей представляют т. н. пародийные словари, когда выражения из одного столбца являются неполными эквивалентами выражений из другого, и именно это частичное

несоответствие должно порождать, по мысли составителей, комический эффект. Так, в словацком сегменте Интернета размещён диалектный разговорник, который в оригинале называется «anglicko-vychodňarsky slovník» (англо-восточнословацкий словарь)¹: упоминание о нём мы находим в статье Г. Мучковой (Múčsková, 2014, s. 187 – 188). Словарь состоит из двух частей, соответственно «anglicko-vychodňarsky slovník-1» и «anglicko-vychodňarsky slovník-2», был размещён в 2008 году на портале vychodnare.webnode.sk. Спецификой текста является тот факт, что он подаётся анонимными составителями как юмористический, пародийный. На первый план здесь выходит презентация Восточной Словакии как региона с определённой языковой и культурной спецификой, которую и стремятся обыграть авторы. Как пишет Г. И. Лушникова в исследовании, посвящённом литературной пародии: «В пародии имеет место особая реализация языковых средств, основанная на специфике ресурсов конкретного языка. Система лингвостилистических средств пародии базируется на общих принципах построения по типу аналогии и контраста, интертекстуальности, а также сходной функции, заключающейся в создании юмора, комизма, эффекта обманутого ожидания» (Лушникова, 2009, с. 10). Рассматриваемый словарь являет собой пародию металингвистическую, т. е. пародию на жанр собственно языкового описания, которая при этом осуществляется языковыми же средствами.

Несмотря на то, что в названии указано «словарь», текст по факту представляет собой разговорник, т. к. соотносятся не лексемы, но целые типовые фразы, которые, по идее, должны способствовать успешной коммуникации в регионе. Отдельно отметим, что в данном случае имплицитно присутствует ещё один языковой модус, с которым соотносятся диалектные выражения – словацкий литературный язык и, соответственно, столичные реалии. Возможные расхождения между английскими фразами и их восточнословацкими эквивалентами в контексте жанра являются приёмами пародирования. К таковым относятся:

1. Употребление диалектно маркированной лексики. Здесь наблюдается два возможных случая: а) словацкое диалектное выражение отличается от литературного фонетически и б) в словацкой реплике употреблена лексема, отсутствующая в литературном языке. Пародирование тем самым происходит не столько в контексте англоязычного выражения, т. к. в целом словацкие фразы им эквивалентны, сколько в контексте словацкого литературного языка. Обратим внимание, что в последнем примере прилагательное употреблено явно в литературной огласовке

---

¹ Здесь и далее при интернет-источниках сохранена оригинальная орфография.

(druhú) при общем отсутствии долгих гласных в восточнословацком диалекте, что лишний раз подтверждает смешанный характер диалектно маркированного сетевого идиома – какой бы ни была его исходная основа.

- WHERE WERE YOU? – Ta dze ši ty bull;
- FINALLY, IT STOPS RAINING. – Prestalo peršec;
- What is your name? – Jake ci meno? (*Aké máš meno, ako sa voláš*);
- A PAIR OF SOCKS – Štrimfle;
- SOMEWHERE HERE – Džeškaj tu;
- BREAK ON TROUGH TO THE OTHER SIDE – Predzigac še na druhú stranu.

2. Большая экспрессивность словацкого эквивалента. Различие между двумя выражениями состоит в общей модальности высказывания, когда нейтральные английские выражения переводятся на словацкий экспрессивными конструкциями. Ср. примеры, в которых употребляются в т. ч. идиоматизированные сравнения с союзом jak:

- COME ON! – Ta idzeme na to, ňe?;
- Can I help you? – Co kukaš jak ceľe na vrata?;
- Do you need glasses? – Co nevidziš, abo ši šľepy?;
- Please, read the list carefully. – Ňežgrap jak kocur zos labu!

3. Отдельно мы выделяем случаи употребления сниженной лексики в словацком варианте. Ср.:

- WHAT ARE YOU TALKING ABOUT? – Co dristaš?;
- WHERE ARE THE TOILETS, PLEASE – Idzem srac!;
- One moment, I'll check for you. – Zober še a choc do zatku!;
- Please, listen carefully – Merkuj ty bitang!;
- YOU ARE OLD FASHIONED – Ši jak jebo z ľesa.

4. Придание словацким выражениям статуса наблюдаемой ситуации. Ср. примеры, где в первом уровне знания английского языка приравнивается к компетенции прецедентного лица, во втором личное местоимение заменяется именной группой, вводимой указательным местоимением, а в третьем ситуация моделируется «по наблюдаемым симптомам»:

- DO YOU SPEAK ENGLISH? – Znaš rečovac jak toten Buš?;
- OH, HE IS SO HANDSOME! – Ta bars šumny toten chlop!;
- WHAT A HOT WEATHER! – Psy jazyky vyvaľuju.

5. Наконец, наиболее обширной группой соотнесённых выражений являются квазиэквиваленты, которые демонстрируют различную

интерпретацию субъектом высказывания одной и той же ситуации. Словацкий вариант отличается от английского не только более экспрессивной модальностью, но и типовым поведением, мотивированным разницей в английских и словацких бытовых реалиях.

5a) различия вызваны отсутствием определённых удобств – в данном случае телефонного номера в доме (в словацком квазиэквиваленте фигурирует телефонная будка), специализированной кофейни (кофе покупают и варят дома). Ср. также третий пример, когда предполагается, что в Восточной Словакии отсутствует порядок резервирования столиков в пунктах питания и «лишних посетителей» можно физически устранить. Во всех трёх случаях косвенный речевой акт заменяется прямым:

- Can I have a contact number for you? – *Naval' číslo na telefonnu budú;*
- Where is the coffe shop? – *Navar kavej!;*
- Can you reserve me a table for two at eight o'clock? – *O druhej dakeho vyuruc od stola.*

5b) разница обусловлена иными предпочтениями говорящего – вкусовыми либо эстетическими:

- This is an excellence pasta dish. – *Doňešce meso zo šviňi, ľečky ňežerem!;*
- It was the best concert ever! – *Mušela tam tota operna špivačka teľo grevčec?*

5c) в ситуацию вводится акт употребления алкогольных напитков. В первом примере выбор конкретного алкогольного напитка демонстрирует разницу между культурами, во втором – количество употребляемого алкоголя в словацком варианте выше, нежели в английском первоисточнике. В третьем примере употребление алкогольного напитка помогает разобраться в сложной ситуации, и наконец, в четвёртом – распитие спиртных напитков является предметом осознанного выбора:

- WHERE DO YOU LIVE? – *Ta co piješ?;*
- What's in the minibar? – *No idzem šicko okoštovac.;*
- If you see an accident, find a first aider immediately. – *Kec še dachto zdziga, daj sebe pifko a rob še, že ši toto čudo popod nohy nešturil ty;*
- For the sauna, turn left – *U saune je ceplo jak u pekľe, ic do ľeva, tam je bar.*

Данный словарь перешёл в область сетевого фольклора: помимо основной, исходной страницы, он бытует на довольно обширном количестве ресурсов, среди которых можно выделить (в плане глобальности

заявленного информационного охвата): персональные блоги; региональные новостные порталы (чешские либо восточнословацкие); тематические сайты, на которых представлен контент преимущественно юмористического содержания – как мы видим, только в последнем случае пародийность словаря выступает как некоторая константа его потенциальной интерпретации. При этом на различных страницах «англо-восточнословацкий словарь» размещён в разных вариантах, заменяются некоторые реалии (так, Буш заменяется на Клинтона, в паре WHERE DO YOU LIVE? – Ta co piješ?, словацкая фраза меняется на: Ta dze žiješ?), добавляются новые выражения (ср. он же в модифицированном виде под названием «английско-спишский словарь» на портале slovodne.cz), ср. также две страницы, где этот же словарь назван «английско-шаришским» (oddych.sk и spisiacik.sk). Реплики в дискуссиях к словарю также неоднородны, среди них выделяются:

1) собственно оценочные, когда, чаще позитивно, идентифицируется юмористическая направленность словаря, например:

- Dobreeee to je: idzem srac, zerem gule cool;
- ta na tomto som še narehotal jak kuň.

2) попытки дополнить словарь, ср.:

- Inak „Finally, it stops raining“ by som osobne prelozila este stavnatejsie a to na: Prestava diždžovac doplnila by som napríklad: CALM DOWN! – Nebehaj jak pes s prebitu nohu!;
- Jiřulko, skvělé! Nevím, zda jsem to zachytil autenticky, i můj překlad je amatérský, ale další sentence do slovníku by mohla vypadat následovně: GO AWAY Ídz do rici, keď ti pekně hutorim.

3) кваликативные, когда пользователи пытаются проанализировать идиом, на котором составлена словацкая часть словаря:

- Alex má pravdu, jde spíše o šarištinu. Východňáři totiž rozlišují šarištinu a proti ní zemplínštinu. Takže hutoril je zemplínsky, šarišsky by to muselo být hvarel. Obě strany jsou na svůj jazyk hrdé a považují jej za mnohem libozvučnější než ten druhý. Obě ovšem používají švábliky a peněži.
- No v podstate je v tych prekladoch par chybiek, ktore sa daju prekonat. A je tam pouzitych viacej nareci nielen jedno.

Другой тип пародирования, отчасти сходный с описанным, представлен в «шаришско-словацком словаре» (šariško-slovenský slovník), который также представляет собой не словарь, как указано в названии, а разговорник. В данном случае исходным является диалектный идиом, словарь разбит на ситуативно-тематические группы «дома», «на улице», «знакомство» и т. п. При этом часть фраз приведена с указанием литературных

эквивалентов, часть же дана без перевода на литературный язык. В отличие от англо-восточнословацкого словаря, соотнесённые выражения полностью эквивалентны друг другу, а пародийная тональность прослеживается в самом составе выражений, которые, по мысли составителей, должны отражать типичные реалии жизни в Восточной Словакии. Так, одним из ключевых для словаря является мотив уборки, в т. ч. достаточно радикальными методами:

- še postav na šifoner a daj dolu firhangi, bo ich mušime virajbac, jake su riňave – postav sa na skriňu a zves dole záclony, musíme ich vyprať, také su špinavé;
- na kapure šedzi ftaček, noľe ruc do ňeho kameň, nech tam nesere, chto to ma furtom umivac? – na bráne sedí ftačik, hoď do neho kameň, aby tam nešpinil, kto to má stále umývať?

Как и в предыдущем рассмотренном словаре, многие выражения отличаются повышенной экспрессивностью и наличием пейоративно маркированной лексики:

- neznaš jak, ta štur sebe ruki do rici a še kukaj jak to budzem robic ja, nel? – nevieš ako, tak si vopchaj ruky do zadku a pozeraj sa ako to budem robiť ja, určite!

Точно так же в шарошско-восточнословацком словаре, точнее, только в его одноязычной части, обыгрывается тема употребления алкоголя:

- už vecej nebudzem pic, ale ani meňej;
- ňemam peňeži;
- toten budze už posledňi;
- paj tu Pali, muším vžac dzecom dajake ošče, bo me žena zabijel;
- ci Pana, to už teľo hodzin?!;
- Feri, neni ci plano, bo ši dajaky želeni?

В ряде случаев, наоборот, моделируются не восточнословацкие, а столичные реалии: так, в тематическом блоке «знакомство» типовая пользовательница словаря – жительница столицы – оторвана от реальной действительности и живёт в виртуальном мире:

- Ja som zadana, mam priateľa z Bratislavi a še pravidelne stretavame na fejbuku;
- Ešci o tym nezna, ale spolu chodzime.

Некоторые словацкие фразы представляют собой пародию на традиционные словарные толкования, которые заменены здесь на более, по мысли составителей, приближенные к реальной действительности:

- pes – stráži dom;
- mačka – žena od kocúra;
- kocur – chýba hlodavce na poli a na dvore;

- kura – znáša vajcia na fajnú praženičku;
- kohut – dozerá na to, aby kura znášala tie vajcia;
- kurčatka – keď nie je praženička, kura sa zmení na kvoku a vynosí malé kurky = kuriatka;
- brabeňak – malé čierne, alebo červené šesťnohové stvorenia, čo štípu a je ich všade veľa – mravce.

В обоих случаях, при всей разнице приёмов пародирования, словари отражают автоэтностереотипы своих составителей. Кроме того, в них моделируется неформальное и более доступное для непосредственного читательского восприятия лексикографическое описание. Отсутствие специальной лингвистической подготовки у автора словаря расценивается как положительная черта, и непрофессиональное здесь, в силу общей гротескности жанра, трансформируется в антипрофессиональное, что является общей приметой сетевого творчества, где границы между специализированным и любительским в значительной мере размываются. Тем самым научная пародия смыкается с литературной, а непрофессиональные научные описания, подобно непрофессиональной литературе, приобретают массовый характер.

ЛИТЕРАТУРА

- БЕЛОВОДСКАЯ, А.: *Сетевая пародия как лингвокогнитивный феномен (в контексте современного анонимного сетевого творчества)*. Докторская диссертация. Вильнюс, 2012. 290 с.
- БОНДАРЕНКО, Е. Д.: *Наивная лингвистика диалектоносителей: этносоциолингвистический аспект*. Диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук. Екатеринбург, 2015. 371 с.
- ВАЩЕНКО, Д. Ю.: *Интернет как новая перспективная форма существования диалектов*. In: *Исследования по славянской диалектологии*. Вып. 17. Судьба славянских диалектов и перспективы славянской диалектологии в XXI веке. Москва: Индрик, 2015, с. 107 – 114.
- ВАЩЕНКО, Д. Ю.: *Диалектные интернет-словари как феномен проявления локальной идентичности*. In: *Die Welt der Slaven*. В. 60. Beiträge zum 19. Arbeitstreffen der Europäischen Slavistischen Linguistik (Polyslav). 14 – 16 September 2015, Warschau. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2016, p. 284 – 292. ISBN 978-3-86688-528-8.
- ЛУШНИКОВА, Г. И.: *Когнитивные и лингвостилистические особенности литературной пародии*. Автореферат диссертации на соискание учёной степени доктора филологических наук. Кемерово, 2009. 43 с.
- СИДОРОВА, М. Б.: *Интернет-лингвистика, русский язык: межличностное общение*. Москва: Флинта – Наука, 2006. 193 с.

ШУМАРИНА, М. Р.: *Метаязыковая рефлексия в фольклорном и литературном тексте*. Автореферат диссертации на соискание учёной степени доктора филологических наук. Москва, 2011. 72 с.

MÚCSKOVÁ, G.: Vedomá aktualizácia nárečovej variety vo verejných komunikátoch. In: *Registre jazyka a jazykovedy (I): na počesť Daniely Slančovej*. Prešov: Filozofická fakulta Prešovskej univerzity v Prešove, 2014, s. 181 – 189.

ИСТОЧНИКИ

<http://vychodnare.webnode.sk/news/anglicko-vychonarsky-slovník/>

<http://vychodnare.webnode.sk/news/anglicko-vychonarsky-slovník-2/>

<http://www.rehot.sk/vtip/14825>

<http://www.madness.sk/zabavnytext/327/zakladny-anglicko-vychodniarsky-slovník.php>

<http://viralita.sk/zakladny-anglicko-vychodniarsky-slovník/>

<http://www.somvprahe.sk/blog/komix/zakladny-anglicko-vychodniarsky-slovník>

<http://www.funradio.sk/clanok/31026-anglicko-vychodniarsky-slovník-ste-uz-videli>

<http://bambula-ivushka.blog.cz/0802/zakladny-anglicko-vychodniarsky-slovník-x-wtf-d>

<http://mylastday.blog.cz/0703/zakladny-anglicko-vychodniarsky-slovník>

<http://www.interez.sk/s-vychodniarmi-sa-nikdy-nudit-nehudete-pozrite-si-jednoduchy-anglicko-vychodniarsky-slovník/>

<https://www.smejemska.sk/obrazky/anglicko-vychodniarsky-slovník/>

<http://kosice.dnes24.sk/vychodniari-sa-zas-vynasli-anglicke-frazy-prelozili-do-vychodniarciny-vysledok-stoji-za-to-216501>

<http://www.slovodne.cz/slovodne/anglicko-spissky-slovník/>

<http://www.sprostak.cz/texty/1405-anglicko-sarissky-slovník/>

http://oddych.sk/?p=6&id_o=60

<http://www.spisiacik.sk/anglicko-spissky-slovník>

<http://believer.blog.sk/detail.html?a=c86c3558e69c130dfc10b698054f6924>

<http://www.chalupanadoline.sk/index.php/slovník-na-preitie/slovník-aritiny>

СИМВОЛИКА ЦВЕТА В МАКЕДОНСКОЙ СВАДЕБНОЙ ОБРЯДНОСТИ (БАЛКАНСКАЯ ТРИАДА)

Александра Чиварзина

THE COLOUR SYMBOLISM IN THE MACEDONIAN WEDDING RITES (THE BALKAN TRIAD)

Abstract: This article considers the representation of various colour terms in wedding ceremonies on the territory of Macedonia and in the Macedonian language, the specific features of the Macedonian wedding tradition. The research focuses on the colour side of the problem: the use of the colour terms during wedding rites, their meanings and connotations manifested in the ritual acts. The deep study of the material made it possible to assume that being a turning event in human life, marriage becomes the brightest event, the most endowed with colours. The triad white-black-red occupies a central position and the rest of the colours are on the periphery of the wedding symbols.

Keywords: wedding rites, basic color terms, the Balkan triad, the Balkan languages, the Balkan Slavic customs, the Macedonian language

Свадьба – событие, которое делит жизнь человека на до и после. Обряды, связанные с этим судьбоносным периодом, полны символов. Цвет имеет непреходящее значение во всех элементах свадьбы: проявляется как в цвете наряда, так и в речевых формулах, в обрядовых песнях через использование цветотерминов. Именно представленность тех или иных цветообозначений в свадебных обрядах на территории Македонии и в македонском языке будет рассматриваться в настоящей статье.

Доминирующими цветами свадебного обряда македонцев являются белый, чёрный и красный. Эта триада встречается в национальном костюме не только данного этноса, но в целом характерна для Балканского полуострова и может считаться культурным балканизмом.

1) а) Белый цвет в первом словарном значении – *со боја на млеко или нов снег* (Мургоски, 2005, с. 38 – 39) ‘цвета молока или свежевыпавшего снега’ – можно встретить в текстах свадебных песен, где есть описание природы: белая пшеница, белый базилик, белая травка. Часто это метафорические образы, скрыто описывающие свадебные события и молодых.

Питале Јана сакале,
во влашка земја за Влава,
за влава за млад Миленка.

Просили Јану, хотели,
во влашкуну земљу за влаха,
за влаха, за молодого Миленка.

Кога по Јана одевме,
вишни ми цреши цутеја,
бели пченици класеја.
Кога со Јана и девме,
бели пченици пожнати¹.

Когда мы шли за Яной,
вишни-черешни цвели,
белая пшеница колосилась.
Когда мы с Яной шли,
белую пшеницу пожали.
(Петреска, 2002, с. 137);

Превила се бела лоза
преку кука Целепова
Сам Целепо говореше:
Ај ви момци, мои другари,
лепо лоза порежите,
уш по лето ископајте,
да ми роди многу грозје,
многу грозје – сто то'ари –
сина имам за женатје,
чупе имам за мажење.

Плелась белая лоза
по дому Джелепе
Сам Джелеп говаривал:
Ой вы молодцы, мои приятели,
хорошо лозу обрежьте,
после лета выкопайте,
чтоб давала мне много винограда,
много винограда – сто мер –
есть у меня сын для женитьбы,
есть у меня дочь на выданье.
(Петреска, 2002, с. 267).

б) Широко представлено употребление в значении *светла боја* *наспроти оно што е темно*² 'светлый цвет в сравнении с аналогичными предметами тёмных оттенков'. Случаи подобного употребления направлены на восхваление красоты невесты: белое лицо, белые плечи, белая фигура.

Ајде со здравје сватоји цаном
носете мила невеста,
носете бела невеста ајде
од наша кука земена.

Айда, с Богом, сваты дорогие
ведите милую невесту,
ведите белую невесту айда
от нашего дома взятую
(Петреска, 2002, с. 294);

Не лепоти, не трепоти, ај наша невесто убава гугушке!
Ак' је твоје бело лико, белило е наше, белило е наше!
Не лепоти, не трепоти, ај наша невесто убава гугушке!

---

¹ Здесь и далее примеры текстов взяты из монографии ПЕТРЕСКА, В.: *Свадбата како обред на премин кај македонците од брсјачката етнографска целина*. Скопје: Институт за фолклор «Марко Цепенков». Книга 43. 2002. 607 с. ISBN 9989-642-01-х.

² Дигитален речник на македонскиот јазик. [online] Dostupné na internete <http://www.makedonski.info>.

Ак' је твоје бело грло, алтани се наши, алтани се наши!
Не лепоти, не трепоти, ај наша невесто убава гугушке!
Ак' је твоја руса коса, каната е наша, каната е наша!

Не бойся, не трепещи, ай наша невеста красивая голубка!
Если твоё белое лицо, белила наши, белила наши!
Не бойся, не трепещи, ай наша невеста красивая голубка!
Если твоё белая шея, золото наше, золото наше!
Не бойся, не трепещи, ай наша невеста красивая голубка!
Если твои русые косы, краска наша, краска наша!

(Петреска, 2002, с. 392).

в) В текстах второе значение лексемы тесно может переплетаться с переносным – обозначать сакральность, чистоту, благородство (Толстой, 1995, с. 152 – 153). Белый цвет имеет репродуктивную силу: это цвет молока, белка, семени. Свадебная одежда или её элементы белого цвета (*бела шамија* 'белый платок', *бело цубе* 'белая безрукавка', *бело було* 'белая фата') символизируют неосквернённую, невинность невесты (Петреска, 2002, с. 424-425).

С положительным восприятием белого цвета также связаны примеры его употребления с именами участников, гостей торжества: *бели сватови* 'белые сваты', *бели гости* 'белые гости'.

Ќе дојде бели сватови!
Ќе дојсе зетој китени!

Придут белые сваты!
Приведут жениха нарядного!

(Петреска, 2002, с. 159).

К архаичным определениям относятся обращения к рекам: *бел Дунаве* 'белый Дунай', *бел Вардаре* 'белый Вардар' – подчёркивающие их красоту, благородство и сакральность для населения.

г) Белый в текстах символизирует счастье, радостную жизнь без тревог и забот, которую желают молодым: *бела промена* 'белая перемена', *бела постела* 'белая постель'.

Ај, море, друшки, другарки,
од коски да се подела!
И од бели рамена,
и од белата промена!

Ах, дорогие, дружки, подружки,
от костей отделилась!
И от белых рамен,
И от этой белой меня!

(Петреска, 2002, с. 160).

д) Некоторые исследователи толкуют белый цвет как символ жалости, тоски, цвет изменения, перехода, ритуальной смерти – это значение относится к праславянскому и балканскому наследию (Елијаде, 1886). Следует также отметить, что раньше траур выражался в ношении белой одежды, что по-прежнему реликтами сохраняется у южных славян: в юго-западной Македонии, в Родопах, у сербов на Косовом Поле и в Метохии, у черногорцев (Толстая, 2012, с. 314 – 317; Вакарелски, 1990, с. 43, 155). В свадебных обрядах белый символизирует путь к смерти, постепенное умирание старого человека, старой жизни. За цветом этой фазы следует противоположный – чёрный цвет, траур.

2) а) Чёрный и синий цвета (*морно цубе* 'тёмно-синяя безрукавка') соответствуют «переходному» состоянию невесты на свадьбе, также символизируя временную смерть. Наличие элементов тёмного цвета в наряде (например, у болгар Врачанского округа невеста носила чёрную одежду вплоть до Юрьева дня³), наименование свадебного наряда *црнета*, *црн*, даже если детали чёрного цвета и вовсе отсутствуют, объясняется народным выражением *поцрнување на невестата со нејзината мажачка* 'почернение невесты с её замужеством' (Петреска, 2002, с. 425):

С'нцето оди на заод,
момето трча по него
– Постој, почекај с'нце ле
два збора да ти прозборва,
два збора до три изгора –
кога ќе одиш при мајка,
за мене да му докажеш,
црнио абер донеков.

Солнце идет на запад,
дэвица бежит за ним
– Пстой, подожди солнышко
два слова тебе вымолвлю,
два слова до трёх горестей –
когда придёшь к матушке,
скажи ей обо мне,
чёрную долю получила я.
(Петреска, 2002, с. 271);

Не прекривај мили татче
Своја ќерка
Покривање, *поцрнување*.

Не покрывай милый батюшка
Свою дочь
Покрывание, *почернение*.
(Петреска, 2002, с. 355).

б) Чёрными традиционно называются также нечистые силы, покойники, самовилы, которые могут встать на пути счастья молодым:

³ Библиотека на Софийски университет «Св. Климент Охридски», архив на С. Романски. София. 34:95

Ја свадба праив и не и'канев мртвите, помеѓу вратите застаната, ете толкава вака. Со пердуви толкава вака, една црна, страшна дур да ја гледаш. 'Праздновали свадбу и не позвали на неј мёртвых, в дверях встала, вот такая. Вся к перьях вот такая, такая чёрная, страшная, что не посмотришь на неј' (Петреска, 2002, с. 338).

Украшения синего цвета на свадебном поезде имели апотропеическое значение, защищая от сглаза, завистливого ока участников торжества. Известно также, что в некоторых районах невеста должна была надевать синие бусы.

в) Чёрный цвет в текстах песен может встречаться и в прямом значении, обозначая тёмные оттенки, при описании внешности молодых, подчёркивая яркие черты лица. Тогда он трактуется как позитивный признак: это единственное употребление в контексте свадебного обряда, когда его можно толковать положительно.

Вешчам ти вешчам Лето
белото лице
Белото лице Лето
белото лице
Белото лице Лето
црните очи
Црните очи Лето
танката снага.

Обещаю тебе обещаю Лето
белое лицо
Белое лицо Лето
белое лицо
Белое лицо Лето
чёрные очи
Чёрные очи Лето
тонкую талию.

(Петреска, 2002, с. 96).

3) а) Красный, противопоставленный ахроматическим цветам и воплощающий в себе представление о цвете как таковом, в свадебном обряде македонцев наряду с белым занимает доминирующее положение.

В текстах, приуроченных к обряду, помимо основной лексики *црвен*, встречаются *аловен*, *ален*, *ѓувезен*, относящиеся к турецким заимствованиям и использующиеся преимущественно в диалектных текстах:

«алови китки» реси '«алые букеты» бахрома'; превез – правоаголно парче од алена «богасија» 'фата – прямоугольный кусок алой «ткани»'; невестинската «аловна кошула» се сретнува во два вида: како «голема црнета», а по неа доаѓала «мала црнета» '«красная рубаша» невесты встречается двух видов: как «большая чёрная», а сверху «малая чёрная»; тие се везани со геометриска орнаментика со бела срма и со црни и ѓувезни волнени конци – они украшены вышивкой с геометрическими

фигурами серебристой белой, чёрной и красной шерстяной нитью (Петреска, 2002, с. 215-216, 246).

а) В прямом значении цвета лексемы используются в обрядовых поэтических текстах при описании цвета яблока, соцветий, которые призваны подчеркивать красоту невесты:

Ој невесто <i>црвено јаб'ко</i>	Ой невеста красное яблоко
Шо си толку лепо променета,	Что ты так красиво нарядилась,
Дал на гости мислиш да кинисаш	В гости ли собралась
Или на гости тука си дојдена?	Или сюда пришла в гости?

(Петреска, 2002, с. 272).

Яблоко, привязанное к деревку свадебного знамени, часто было красным или золочёным. Оно наделялось многочисленными символическими значениями: 1) румянец, красота и здоровье молодых и их будущих детей (Трефилова, 2004, с. 386); «честность», непорочность невесты (Гура 2012: 302). Последнее, напрямую связанное с цветом крови, часто фигурирует в других обрядовых действиях: например, в районе Велеса в ответ на известие о «честности» своей дочери родители молодой одаривали посланцев живой курицей, перевязанной красной нитью (Плотникова, 2006, с. 215); в западной Македонии невеста утром следующего дня шла за водой с кувшинами, украшенными красными платочками (SR 13, 1934-35). Часто встречается сочетание *бело ем црвено*, которому в русском языке соответствует выражение «кровь с молоком», т. е. символ здоровья и красоты:

Цутил бутил и <i>црвен бел трендафил</i>	Цвела пахла <i>красная белая роза</i>
Цутил бутил	Цвела пахла
Цут му паѓат и мајкини скутови	Цвет её опадает матушке в подол
Цут му паѓа	Цвет её опадает
Зошто ми је и младо неженето	Что же ты у меня молод неженат
Зошто ми е.	Что же ты у меня.

(Петреска, 2002, с. 210);

Месаријо, месаријо	Дэвица, а дэвица
таткова-мајкина/ иј	отцова-матушкина/ и
<i>бела ем црвена</i>	<i>кровь с молоком</i>
<i>бела ем црвена/ иј.</i>	<i>кровь с молоком/ и</i>

(Петреска, 2002, с. 210).

Сочетание красного с белым также рассматривается в качестве оппозиции мужского и женского: двухцветное красно-белое знамя, распространённое у болгар и македонцев, символизирует брачную пару (Гура 2012: 722), в Пиринском крае для жениха изготавливали красное знамя, для невесты – белое (Узенёва, 2001, с. 68).

Красный цвет используется у македонцев (и вообще у южных славян) как оберег: так, у болгар в венок невесты вплетали красные нити от сглаза – «чтобы замотать голову дьяволу» (Узенёва, 2001, с. 83); эту же функцию выполняет покрывало (*було*), которым закрывали лицо невесты (Сумцов, 2014, с. 35).

Будучи самым ярким из цветов триады на свадьбе, красный может выступать символом целого торжества. Например, на сербско-болгарском пограничье зафиксирован предсвадебный обычай «Лада»: молодые люди играют в ритуал непосредственно за несколько недель до настоящей свадьбы. При этом выбранные на роль жениха и невесты одеваются в нарядную одежду с элементами красного цвета: *невесту напраје алеву* ‘невесту сделали красной’ (Плотникова, 2013, с. 174 – 182). Таким образом, подчёркивается первостепенная роль именно этого цвета на свадьбе.

4) Помимо архаичных цветов, соответствующих первым ступеням эволюции цветотерминов, в поэтических обрядовых текстах есть упоминание жёлтого и зелёного.

а) Жёлтый используется преимущественно в качестве эвфемизма к золоту при выкупе невесты, при характеристике цвета монет или украшений из золота:

Не предај се девојко мори
На шар чорапи, на црни чевли,
на црни чевли, на *жолти пафти*.

Не отдавайся дэвица дорогая
За яркие носочки, за чёрные туфельки
за чёрные туфельки, за *золотые монеты*.

Не предавај се девојко мори,
Не предавај се за *жолтници*.

Не отдавайся дэвица дорогая
Не отдавайся за *монетки*.

(Петреска, 2002, с. 355);

б) Термин может также использоваться в прямом значении цвета:

Плело моме *жолта рогузина*, плелој моме
Ден је сплело, ден је наврзало, ден је сплело
Је наврза со *жолта коприна*, је наврза
Вязала дэвица *жёлтую скатерть*, вяжи дэвица
День вязала, день обвязывала, день вязала
Обвязала *жёлтой шерстью*, обвязала
(Петреска, 2002, с. 188).

5) а) Зелёный, встречающийся в текстах в прямом значении цвета при описании природы, метафорически характеризует молодых, символизирует молодость, жизненные силы.

Изникнало е <i>дрво зелено</i> ,	Выросло дерево зелёное,
колку <i>зелено</i> , толку <i>јадово</i> ,	сколь зелёное, столь горестное,
со врв се <i>клајнат</i> ,	вершиной <i>кланяется</i> ,
с <i>корен проштаат</i> :	<i>корнем прощения просит</i> :
– Прости ми, прости еј мили татко...	– Прости меня, прости, дорогой отец

(Петреска, 2002, с. 494).

Образ зелёного венка, который плетёт девушка из разных растений, обязательно присутствует в одной из свадебных песен и отсылает к супружескому венцу, который предстоит принять молодым.

Моме вило три <i>зелени венци</i>	Дэвица плела три <i>зелёных венка</i>
Први <i>венец од бела лозница</i>	Первый <i>веноч из белой лозы</i>
Втори <i>венец од бели босилок</i>	Второй <i>веноч из белого базилика</i>
Трети <i>венец од зелениот бршлан</i> .	Третий <i>веноч из зелёного плюща</i> .

(Петреска, 2002, с. 345);

Не предавај се девојка мори	Не отдавайся дэвица дорогая
На <i>зелен венец</i>	За <i>зелёный веноч</i>
На висок нетоп	За высокую корону
На <i>жолти пафти</i> .	За <i>жёлтые монеты</i> .

(Петреска, 2002, с. 356).

б) Есть случаи несомненного употребления в переносном значении, когда зелёный трактуется как незрелый, неопытный.

Петкано млада девојко
откога се петли пеани
триста ђемии минае
најнапред беше млад Стојан
со шарен кавал свиреше
мажи се мажи Петкано
дури си млада зелена.

Петка молодая дѣвица
Как петухи пропели
тристо удальцов прошли
впереди был молодой Стоян
на цветном кавале играл
выходи замуж выходи Петка
хоть и молодая ты зелёная.

(Петреска, 2002, с. 93).

в) Интересно отметить, что образ зелёной горы или леса «как срединного момента обрядового пути», так часто встречающийся в македонских обрядовых песнях, в сербских эпических песнях фигурирует как чёрная гора – при этом значение ‘лесистое место, опасное для свадебного поезда место на пути к дому жених’ (Гура, 2012, с. 675 – 676) не читается в македонских текстах.

Кога дојдоа сред гора зелена
Се сретоа два рала сватои
Снаа и золва прстени менија
Зет и шура коњи разменија.

Когда пришли на зелёную гору
Встретились два рала сватов
Сноха и золовка кольца меняют
Зять и шурина коней обменивают.

(Петреска, 2002, с. 222);

Пушти мене мили нунколенце,
ја ќе ода место надалеку,
три девет гори зелени,
четири стари планини,
далеку љубе заљубив.

Пусти меня дорогой крёстный
я пойду в место далёкое,
за тридевять лесов зелёных,
за четыре старых горы,
далеко любимую полюбил.

(Петреска, 2002, с. 131).

Наряду с образом горы достаточно часто встречается формула *зелени ливаџе* ‘зелёные луга’, которые символизируют открытое место, волю и опять-таки границу, переход в новую жизнь.

Облак дојде, свезда не донесе.
К’де ми је свезда застанала?
Застанала в зелени ливади,
да наберит сено копринено,
да нахранит којни на сватои.

Прилетело облако, звезду не принесло
Где же звезда осталась?
Осталась на зелёных лугах,
собрать сено крапивное,
накормить коней сватов.

(Петреска, 2002, с. 299).

5) Достаточно редким является употребление терминов синего цвета, преимущественно при описании цвета моря, которое так же, как и выражение *зелена гора*, символизирует «срединный момент обрядового пути», который должны преодолеть молодые.

6) Еще одним цветом, который можно найти в свадебных текстах, является серый. В основном он используется в сочетании с наименованием птиц, голубей и сокола, символизирующих сватов и жениха:

Мајка ми мила мајцице
малку сум преден легнала
голем сум сонок видела
во дворје *сиви голаби*
во голабиште *сив сокол*.
Ќерко ле мила ќеркице
голабите ми се сватови
сив сокол ти је момчето.

Мать моя, дорогая матушка
недолго я утром спала
большой сон видела
во дворе *серые голуби*
в голубятне *серый сокол*.
Дочь моя, дорогая доченька
голуби то мне сваты
серый сокол то тебе жених

(Петреска, 2002, с. 93);

Јас си водам и два *сиви соколи*
јас си водам
ќе и пуштам и низ гора зелена
ќе ми ватат и горска јаребица
ќе ми ватат.

Я с собой возьму двух *серых соколов*
Я с собой возьму
Пущу их через зелёную гору
Поймают мне горную куропатку
Поймают мне.

(Петреска, 2002, с. 281).

Изменение семейного положения – центральное событие в жизни человека, свадебный период наполнен максимальным количеством обрядов и «переходов», которые отражаются в разных красках. На языке цвета можно закодировать информацию не только в праздничных нарядах, но и в обрядовых текстах. В таких текстах на первый план выходят переносные значения лексем, обозначающих цвет. Белый трактуется преимущественно как чистый, благородный, красивый; чёрный – как цвет «перехода», ритуальной смерти; красный – символ «честности» невесты, непосредственно соотнесён с прямым значением «цвета крови». Другие цвета оказываются на периферии свадебной символики: зелёный соотносится с молодостью и незрелостью; жёлтый – с деньгами («золотом»); серый трактуется как благородный цвет. Интересно отметить, что синий цвет, встречающийся в элементах одежды, чаще всего не отделяется от чёрного, воспринимается его оттенком. Таким образом, можно сделать предварительный вывод, что

будучи переломным событием в жизни человека, свадьба становится и самым ярким событием, максимально наделяясь цветами жизни⁴. Триада белый-чёрный-красный занимает центральное положение, поскольку это основные цвета, относящиеся к первым двум ступеням эволюции цветообозначений, но далее идут жёлтый и зелёный, причём по отдельности, т. е. представлена четвёртая ступень. Серый и синий цвета встречаются спорадически, но всё-таки термины цветообозначения и основные характерные ассоциации с ними (Вежбицкая, 1996) присутствуют в том числе в текстах свадебных песен. Следовательно, можно заключить, что свадебный обряд отражает уровень, достигнутый славянским населением на момент формирования ритуала: если мы принимаем теорию Берлина и Кея (Berlin, Kay, 1967) о цветовых универсалиях, то на македонском материале мы наблюдаем результат преодоления шести из семи ступеней эволюции цветообозначений, что подтверждается не только данными обряда, но и лингвистически – базовые цветообозначения седьмого этапа в македонском языке являются заимствованиями из турецкого и европейских языков.

ЛИТЕРАТУРА

- ВАКАРЕЛСКИ, Х.: *Български погребални обичаи. Сравнително изучаване*. София: Изд. на Българската Академия на науките, Етнографски институт с музей, 1990. 223 с. ISBN отсутствует.
- ВЕЖБИЦКАЯ, А.: *Обозначения цвета и универсалии зрительного восприятия*. In: *Язык. Культура. Познание*. Перевод с английского, отв. ред. М. А. Кронгауз, вступительная статья Е. В. Падучевой. Москва: Русские словари, 1996. 412 с. С. 231 – 291. ISBN 5-89216-002-5.
- ГУРА, А. В.: *Брак и свадьба в славянской народной культуре: Семантика и символика*. Москва: Издательство «Индрик», 2012. 936 с. ISBN 978-5-91674-150-6.
- МУРГОСКИ, З.: *Речник на македонскиот јазик*. Скопје: Филолошки факултет «Блаже Конески», 2005. – XV, 948 с. С. 38 – 39. ISBN 9989-651-06-X.
- ПЕТРЕСКА, В.: *Свадбата како обред на премин кај македонците од брџачката етнографска целина*. Скопје: Институт за фолклор «Марко Цепенков». Книга 43. 2002. 607 с. ISBN 9989-642-01-x.
- ПЛОТНИКОВА, А. А.: *«Лада» - предсвадебный ритуал в области Горни Висок*. In: *Южные славяне в балканском и общеславянском контексте: Этнолингвистические очерки*. Москва: ИСл РАН, 2013. 384 с. ISBN 978-5-7576-0294-3.

---

⁴ В отличие от похоронного обряда, см. ЧИВАРЗИНА, А. И.: *Символика цвета в македонской похоронной обрядности*. Славянский мир в третьем тысячелетии. Соглашение (согласие), договор, компромисс в истории, языках и культуре славянских народов. Москва: ИСл РАН, 2016. 526 с. С. 453-459. ISBN 978-5-7576-0369-1.

- ПЛОТНИКОВА, А. А.: *Этнолингвистические материалы из с. Теово в Македонии (область Велеса, регион Азот)*. Исследования по славянской диалектологии. Вып. 12: Ареальные аспекты изучения славянской лексики. Москва: 2006. 384 с. С. 192-227. ISBN 5-7576-0203-1.
- СУМЦОВ, Н. Ф.: *Народный быт и обряды*. Сост., предисл., примеч. А. Д. Каплина. Москва: Институт русской цивилизации, 2014. 688 с. С. 35. ISBN 978-5-4261-0140-1.
- ТОЛСТАЯ, С. М.: *Траур*. In: Славянские древности. Этнолингвистический словарь. Москва: Международные отношения. 2012. Том 5 (С – Я). 736 с. С. 314 – 317. ISBN 978-5-7133-1380-7.
- ТОЛСТОЙ, Н. И.: *Белый цвет*. In: Славянские древности. Этнолингвистический словарь. Москва 1995. Том 1 (А – Г). 584 с. С. 152 – 153. ISBN 5-7133-0704-2.
- ТРЕФИЛОВА, О. В.: *Этнолингвистические материалы из с. Стакевцы, район г. Белоградчика (Северо-Западная Болгария)*. Исследования по славянской диалектологии. Вып. 10: Терминологическая лексика материальной и духовной культуры балканских славян. Москва: 2004. 399 с. С. 355-398. ISBN 5-7133-0160-4.
- УЗЕНЁВА, Е. С.: *Терминология свадебного обряда села Тега (юго-западная Болгария) с этнолингвистическими комментариями*. Исследования по славянской диалектологии. Вып. 7: Славянская диалектная лексика и лингвогеография. Москва: 2001. 310 с. С. 66-93. ISBN 5-7576-0095-0.
- ЭЛИАДЕ, М.: *Священное и мирское*. Пер. с фр., предисл. и коммент. Н.К. Гарбовского. Москва: Изд-во МГУ, 1994. 144 с. ISBN 5-211-03160-1.
- BERLIN, B., KAY, P.: *Basic color terms: their universality and evolution*. Berkeley & Los Angeles: University of California Press, 1969. 178 p. ISBN 1-57586-162-3.
- SR 13 – *The Slavonic Review*. London: Vol. XIII, 1934-35. p. 651-673.

НАШ СКАРЫНА, АБО “НАПІСАНАЕ ЗАСТАЕЦЦА”

З нагоды 500-годдзя выхаду ў свет першай беларускай і ўсходнеславянскай кнігі Бібліі

6 жніўня 1517 года ў Празе дзякуючы славутаму гуманісту і асветніку Ф. Скарыне была надрукавана кніга Бібліі “Псалтыр” – першая на царкоўнаславянскай мове ў беларускай рэдакцыі.

Галоўная мэта ўзнікнення дадзенай працы, па словах самога Скарыны, асветніцкая, і пра гэта сведчаць розныя факты. Ён хацеў, каб Святое Пісанне стала больш зразумелым шырокаму колу насельніцтва, бо кніга – крыніца мудрасці, маральных нормаў і сродкаў духоўнага выхавання чалавека, “навука дзецям і простым людзям”. Па гэтай прычыне да кожнай часткі Старога Завету і да ўсёй Бібліі Ф. Скарына напісаў 25 прадмоў і 24 пасляслоўі, непасрэдна на старонках выданняў патлумачыў незразумелыя словы, наблізіў царкоўнаславянскую мову да жывой беларускай гаворкі. Напрыклад, у прадмове да ўсёй Бібліі напісана: “Жадаеш ведаць граматыку, ці, па-нашаму кажучы, грамату, якая вучыць правільна чытаць і гаварыць, – звяртайся да Бібліі. Чытай у ёй кнігу “Псалтыр” (Саверчанка, 2008, с. 28). У той час значэнне “Псалтыра” ў жыцці грамадства было велізарным: гэта кніга з’яўлялася адной з найбольш распаўсюджаных у хрысціянстве, служыла не толькі для набажэнства, але па ёй вучыліся пісаць і чытаць (хутчэй за ўсё і сам Скарына!), а таксама спяваць, бо гэта зборнік рэлігійна-лірычных гімнаў. Акрамя таго, Скарынавы кнігі былі ілюстраваны ўласнаручна створанымі гравюрамі, арнаментаваны рознымі застаўкамі, канцоўкамі, маляўніча выпісанымі загалюўнымі літарамі, па-мастацку цікава аформленымі тытульнымі лістамі. У Святым Пісанні Ф. Скарына нават размясціў свой партрэт, што, безумоўна, пацвярджае яго вальнадумства і нетрадыцыйны падыход да выдавецкай справы. Як мяркуюць даследчыкі, асноўнымі крыніцамі для Скарынаўскіх перакладаў стала чэшская Біблія 1506 года і славянскія кірылаўскія спісы (Галенчанка, 2008, с. 133). Таму наш асветнік, па-першае, павінен быў добра ведаць чэшскую мову, а таксама і лацінскую, стараяўрэйскаю і, відаць па ўсім, іншыя мовы, а, па-другое, напэўна ж дасканалы валодаць выдавецкай справай. Ён, як і многія выбітныя прадстаўнікі эпохі Рэнесансу, быў таленавіты ў розных галінах ведаў: медыцыне, мастацтве, прыгожым пісьменстве, перакладчыцкай і асветніцкай дзейнасці.

Нарадзіўся Ф. Скарына ў канцы XV стагоддзя ў горадзе Полацку. Першапачатковую адукацыю наш славуты зямляк атрымаў хутчэй за ўсё

дома. Пасля дапытлівы юнак накіраваўся ў Кракаў, дзе скончыў адзін з самых лепшых на той час універсітэтаў у Заходняй Еўропе і атрымаў ступень бакалаўра вольных мастацтваў. Павандраваўшы па еўрапейскіх краінах, Скарына стаў магістрам сямі вызваленых навук: філасофіі, граматыкі, рыторыкі, дыялектыкі, геаметрыі, астраноміі і музыкі, а ў 1512 годзе ў Падуі атрымаў дыплом лекарскіх навук – доктара медыцыны (Саверчанка, 2008, с. 3 – 4). Такім чынам, наш знакаміты асветнік з’яўляўся адным з самых адукаваных людзей свайго часу – эпохі Адраджэння. Пра гэта сведчыць і той факт, што ягоны партрэт дагэтуль знаходзіцца ў “Зале сарака” сярод такіх жа вобразаў найталенавіцейшых асоб, якія калісьці скончылі ў Італіі Падуанскі ўніверсітэт.

Пражскі перыяд дзейнасці ўсходнеславянскага першадрукара прыпадае на 1517 – 1519 гады. Гэта самы плённы этап ягонай творчасці, паколькі ў названы час ён выдае 23 кнігі Бібліі “богу ко чти и людем посполитым к доброму научению” (Свяжынскі, 1994, с. 495). Пазней у Віленскай друкарні з’яўляюцца на свет яшчэ дзве працы – “Малая падарожная кніжыца” (1522) і “Апостал” (1525). На жаль, па розных як гістарычных, так і асабістых прычынах Скарынава выдавецкая і асветніцкая дзейнасць далей спыняецца. Лёс яго ізноў накіроўвае ў Чэхію, дзе прыкладна ў сярэдзіне XVI стагоддзя, па меркаваннях многіх вучоных – даследчыкаў яго жыцця і творчасці, Скарына заканчвае свой зямны шлях, будучы на пасадзе садоўніка ці батаніка пры двары чэшскага караля, што і было пацверджана знойдзеным гістарычным дакументам.

Хоць да юбілейнай даты яшчэ застаецца пэўны час, беларусы і амаль увесь славянскі свет пачалі падрыхтоўку да 500-годдзя беларускага і ўсходнеславянскага кнігадрукавання. Існуюць розныя меркаванні адносна канкрэтнага дня і нават года святкавання слаўнай падзеі. Вось яшчэ адзін з вельмі цікавых і, напрыклад, для мяне раней не вядомых пунктаў погляду: “Пачаткам Скарынавага кнігадрукавання павінна лічыцца ў сучаснай сістэме летазлічэння і календара 10 верасня 1516 года, што адпавядае 10 верасню 1517 года па вераснёвым стылі, які зараз не ўжываецца ў грамадзянскай практыцы, але захоўваецца ў царкоўным календары. Наша грамадства ў XXI стагоддзі, жывучы паводле студзенскага стылю (сістэмы х), павінна адзначаць у верасні 2016 года 500-годдзе пачатку друкарскай дзейнасці Скарыны, гэта значыць, у месяцы, з якога б пачынаўся адлік новага года паводле вераснёўскага стылю (сістэмы х-1)” (Агіевіч, 2013, с. 4).

Так, самым, бадай, маштабным праектам па выданні “Кніжнай спадчыны Францыска Скарыны” з лёгкай рукі супрацоўнікаў Нацыянальнай бібліятэкі Беларусі можна палічыць той, які ўжо распачаўся ў 2013 годзе.

Усяго плануецца выпусціць 22 тамы з інтэлектуальнага здабытку нашага земляка, куды патрапяць факсімільныя копіі Скарынаўскіх першадрукаў, якія захоўваюцца ў музеях і бібліятэках Беларусі, Расіі, Украіны, Германіі і Літвы. Як вядома, Беларусь ганарыцца толькі 10 асобнікамі старажытных арыгінальных кніг, а дзесьці, паводле падлікаў архівістаў, яшчэ "вандруюць па свеце" каля 500 экзэмпляраў з нашай агульнай духоўнай спадчыны.

Немагчыма абысці ўвагай і падзею, што адбылася на пачатку 2015 года ў Нацыянальнай бібліятэцы Беларусі. Там прэзентавалі кнігу "Францызск Скарына на мовах народаў свету", у якой вядомыя словы палачаніна з прадмовы да кнігі "Юдзіф" перакладзеныя на 64 мовы свету. Гэта своеасаблівае пасланне ад першадрукара і асветніка ўсім сённяшнім і будучым пакаленням. У сучасным перакладзе Алесь Разанава знакамітыя словы гучаць так: "Як звяры, што блукаюць у пушчы, ад нараджэння ведаюць сховы свае, як птушкі, што лётаюць у паветры, помняць гнёзды свае, як рыбы, што плаваюць у моры і рэках, чуюць віры свае і як пчолы бароняць вуллі свае – гэтак і людзі да месца, дзе нарадзіліся і ўзгадаваны ў Бозе, вялікую ласку маюць". А, напрыклад, у сучаснай інтэрпрэтацыі Сяргея Панізніка чытаем: "Ад нараджэння звяры, што ў чашчобах блукаюць, ведаюць ямы свае; птушкі, паветра свідруючы, гнёзды свае не губляюць; рыбы ў морах бурлівых чуюць свой вір без памылкі; пчолы і іншая жывёнасць вуллі бароняць заўжды. Гэтак і людзі: дзе нарадзіла іх маці, на шчасце ўскарміўшы, ласку да месца таго берагуць заўсягды!". Варта яшчэ адзначыць, што вышэйназваная кніга прыгожа аздоблена гравюрамі Скарыны і выявамі тытульных лістоў ягоных кніг. Ініцыятарам і ўкладальнікам гэтага выдання з'яўляецца беларускі пісьменнік і журналіст Алесь Карлюкевіч.

Цікавай, новай і неадназначнай працай можна назваць кнігу беларуса-архівіста з ЗША Лявона Юрэвіча "Эмігрант Францызск Скарына, ці Апалогія" (Мінск, 2015). Яна ў першую чаргу пра Скарынаву справу за мяжой, пра людзей, якія тамсама даследавалі ягоную спадчыну, кнігі і календары, перыядычныя выданні з публікацыямі, прысвечанымі духоўнай спадчыне нашага земляка, пра дзейнасць міжнародных арганізацый, што носяць ягонае імя, і пра паслядоўнікаў першадрукара: напрыклад, Міколу Панькова, Яна Пятроўскага, Васіля Шчэцьку, Вацлава Пануцэвіча, Кастуся Якуба-Птаха, Норберта Рандава і іншых. У кнізе можна знайсці розныя лісты Вітаўта Тумаша – буйнога эміграцыйнага скарыназнаўцу, які яшчэ пісаў пад псеўданімам Сымон Брага. Акрамя таго, варта асабліва падкрэсліць, што сёння ўжо існуе сучасны пераклад на беларускую мову "Псалтыра", працу над якім у бягучым 2016 годзе закончыў айцец Аляксандр Надсан.

На свяце беларускага пісьменства ў Рагачове, якое праходзіла зусім нядаўна, быў прэзентаваны трэці том з серыі “Беларуская дзіцячая энцыклапедыя” – “Францыск Скарына – чалавек легенда”, які апавядае пра спадчыну Скарыны. Аўтарам так званай “трылогіі” з’яўляецца Алесь Суша – беларускі культуралаг і кнігазнавец, старшыня Міжнароднай асацыяцыі беларусістаў. Так, першая частка гэтай кнігі для дзяцей “Францыск Скарына – чалавек-энцыклапедыя” пабачыла свет у 2015 годзе, другая – “Францыск Скарына – чалавек-легенда” з’явілася ў друку на пачатку 2016 года. Са старонак названага выдання маленькія чытачы даведаюцца пра шматгранны свет асобы першадрукара, яго вандраванні па свеце і творчыя здабыткі. Дадзеную працу можна палічыць своеасаблівым працягам вядомага энцыклапедычнага бібліяграфічнага даведніка “Францыск Скарына і яго час” (1988), а паколькі яна напісана на папулярнай беларускай мове, будзе, відаць, яшчэ зразумелай і прыдатнай для выкарыстання тым, хто беларускую мову вывучае як замежную.

500-гадовы юбілей беларускага і ўсходняга кнігадрукавання не абыходзяць і нашыя заходнія сябры. Так, 7 кастрычніка ў Празе плануецца правесці выставу “Шляхам Скарыны да Прагі”. Хочацца думаць, што яе наведзе многа гасцей і пасля адкрыцця вернісажу з’явіцца вялікі рэзананс у сродках масавай інфармацыі Заходняй Еўропы, гэта падзея прыцягне ўвагу і зацікавіць не толькі спецыялістаў – гісторыкаў, літаратараў і мовазнаўцаў, але і шырокую публіку.

Паводле звестак і розных паведамленняў з сучаснага беларускага перыядычнага друку, мяркуецца ў юбілейны год арганізаваць выставу старадрукаў Скарыны з розных краін свету. У гонар нашага славутага земляка на сцэнах беларускіх тэатраў і за межамі рэспублікі паставяць новыя спектаклі. Плануецца таксама сабраць усе творы мастацтва, прысвечаныя асветніку, у адну кнігу або альбом, каб уся грамадскасць магла з імі пазнаёміцца. Няхай толькі здзейсніцца задуманае!

І яшчэ вельмі хацелася б, каб кожны з нас, каму неабыхавая гісторыя і культура Беларусі, ды і ўвогуле ўсіх славян, зрабіў хоць які-небудзь унёсак у прадаўжэнне і папулярнызацыю скарынаўскай справы. Бо нашая агульная духоўная спадчына непарыўным чынам звязана з імем Францыска Скарыны, а яго ўплыў на з’яўленне новага светапогляду на землях былога Вялікага Княства Літоўскага і распаўсюджанне яго гуманістычных ідэй за межы Бацькаўшчыны немагчыма не заўважыць ці пераацаніць.

Напісанае сапраўды застаецца... Прычым назаўсёды.

Алена Калечыц

ЛІТАРАТУРА

- АГІЕВІЧ, У.: Георгій Лукіч Скарына [доктар Францыск] і яго каляндар. Іп: "Звязда", 22.08.2013.
- ГАЛЕНЧАНКА, Г. Я.: Францыск Скарына: у паціне версій, стэрэатыпаў і міфаў. Іп: *Российские и славянские исследования*: науч. сб. Мінск, 2008. Вып. 3. С. 123–136. ISSN 1995-5634.
- САВЕРЧАНКА, І. В.: *Францыск Скарына: Выбраныя творы*. Мінск: Беларус. навука, 2008. 110 с. ISBN 978-985-08-0959-9.
- СВЯЖЫНСКІ, У. М.: Скарына Францыск. Іп: *Беларуская мова: Энцыклапедыя*. Пад рэд. А. Я. Міхневіча. Мінск: БелЭн, 1994. С. 495 – 497. ISBN 5-85700-126-9.
- Францыск Скарына і яго час: энцыклапедычны даведнік*. Мінск: БелСЭн, 1988. 608 с. ISBN 5-85700-003-3.

Ілюстр. 1: Тытульны аркуш «Псалтыра» (1517): цар Давід звяртаецца з псалмом да Саваофа. Дастун: <http://www.radzima.org/be/fota/16425.html>.

Ілюстр. 2: Мемарыяльная дошка Ф. Скарыну ў “Зале славы” Падуанскага ўніверсітэту (Італія). Фота Н. Корунай ©.

Калечиц, Е.: **Художественный текст в иностранной аудитории: когнитивно-деятельностный подход.** Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2016. 137 s. ISBN 978-3-659-85019-6.

Об эффективности нового междисциплинарного подхода в обучении

Авторрецензируемой монографии Елена Ивановна Калечиц, кандидат филологических наук, доцент кафедры русистики философского факультета университета им. Константина Философа в Нитре, рассматривает проблематику применения и интерпретации художественного текста в обучении студентов-филологов иностранному языку (на примере обучения русскому языку как иностранному). В представленной монографии на основе своего личного преподавательского опыта с иностранной аудиторией Е. Калечиц указывает на эффективность использования нового междисциплинарного подхода в обучении студентов-русистов

– будущих специалистов по обучению РКИ. Цель его, как подчёркивает автор, – овладение навыками межкультурного и межличностного общения, перцепцией и аффектацией.

Хотя тема представленной монографии не впервые вызывает исследовательский интерес, необходимо отметить её несомненную актуальность и в наши дни. Хотелось бы подчеркнуть, что работа Е. И. Калечиц содержит не только описание и анализ существующих трактовок, точек зрения и взглядов на затронутую проблематику, изложение современных теоретических знаний из области теории текста, когнитивной лингвистики, социологии, культурологии, педагогики и некоторых вопросов психолингвистики, но и оригинальный авторский подход,

подтверждённый разнообразным иллюстративным материалом.

Представленная монография Е. И. Калечиц отличается чёткостью композиции, продуманной структурой. Она состоит из четырёх основных разделов, а также включает введение, заключение, список использованной литературы и электронных ресурсов и перечень иллюстративных материалов. В первом разделе *«Художественный текст в межкультурной коммуникации»* Е. Калечиц относит художественный текст к эффективным дополнительным способам межкультурной коммуникации, поскольку *«он содержит в себе различную информацию, в том числе и культурологическую, служит предметом изучения на занятиях по иностранному языку, выполняет те же функции, что и любой вид коммуникации»* (с. 16). Далее автор указывает на необходимость изучения художественного текста на занятиях по иностранному языку, как, впрочем, и иных видов текста, так как текст в работе рассматривается *«с точки зрения текста культуры, включённого в общее семиотическое пространство культуры»* (с. 22). В последней части первого раздела автор обращает внимание на роль художественного текста в современном информационном обществе не только в качестве отдельного и особенного источника получения информации, а также

как *«гипертекст с информационно-вспомогательными материалами, с научной и художественной критикой, мнениями других людей относительно прочитанного материала»* (с. 31).

В первом подразделе второй главы *«Художественный текст и его интерпретация на занятиях по иностранному языку»*, где художественный текст рассматривается как учебный текст, автор аргументирует необходимость соблюдения принципа *«изучения языка через национальную литературу в учебном процессе, так как художественная литература воспроизводит образ жизни общества, национальный характер и мировоззрение народа, помогает в процессе коммуникации понимать специфику его культурных особенностей»* (с. 38 – 39). В следующей части своей работы Е. Калечиц говорит о целесообразности оживления учебного процесса с помощью разных видов искусства, являющихся дополнительным средством при изучении языка художественной литературы и *«в дальнейшем помогающих преодолеть культурологические барьеры в межкультурной коммуникации»* (с. 44).

С нашей точки зрения, в подразделе 2.3 размещены интересные и полезные для студентов и преподавателей примеры учебно-методического материала, способствующие повышению эффективности

работы на занятиях по русской литературе, русскому языку как иностранному или во время самостоятельной работы. Использованию художественного текста для выполнения различных лексико-стилистических, грамматических, орфографических и фонетических заданий отводится место в подразделе 2.4.

Исходя из своей преподавательской практики, Е. Калечиц в подразделе 2.5, посвящённом работе с художественным текстом, формулирует основную задачу обучения – научить студентов находить в тексте семантические, лексические, грамматические и синтаксические ядра, возобновляя их при передаче содержания текста своими словами. Автор также обращает внимание читателей на необходимость выделения в тексте *ключевых слов*, или *доминант*, во время работы с художественным произведением в иностранной аудитории. На основе сравнения значений специальных слов, выделенных курсивом, Е. Калечиц делает вывод о том, что термин *доминанта* является общим понятием по отношению к *ключевым словам* (с. 60). Автор приводит рекомендации разных лингвистов по поиску и определению *текстовой доминанты* с опорой на классификацию художественных текстов В. П. Белянина и предлагает примеры заданий и упражнений, подтверждающих высказанное мнение.

В заключительной части подраздела 2.5 Е. Калечиц на основе современного понимания доминанты говорит о методическом значении предложенной В. П. Беляниным классификации.

В подразделе 2.6 автор отводит место проблемному методу обучения на занятиях по иностранному языку, называя его, исходя из собственного опыта, самым эффективным при использовании в работе с учебными художественными текстами, *«так как именно в художественных произведениях мы находим отражение многих проблем, разрешение зачастую конфликтных жизненных ситуаций»* (с. 69). Е. Калечиц упоминает также о проблематике самостоятельного создания *текстов-рассуждений*. Эту работу она предлагает вести в иерархической последовательности: сначала проанализировать подобные тексты, потом пересказать их по той же модели и только после этого придумать свой собственный текст. Описание работы с текстами художественной литературы по составлению высказывания-рассуждения автор сопровождает конкретными примерами, делая ряд важных, на наш взгляд, выводов, например: *«Использование художественного текста при обучении русскому языку как иностранному должно стать не исключением, а закономерностью»* (с. 80).

Во введении к третьему разделу монографии «*Обучение выразительному чтению на занятиях по иностранному языку*» автор указывает на разные функции чтения вслух и выразительного чтения, а также на необходимость параллельной отработки навыков чтения и аудирования. Далее Е. Калечиц связывает активное чтение художественного текста, которое «должно быть рефлексивным», с техникой выразительного чтения: «Кроме овладения техникой речи, нужно хорошо понимать то, что ты читаешь» (с. 83), а также приводит конкретный пример работы над данным видом чтения.

В подразделе 3.2 автор отмечает важность композиционного деления учебно-художественных текстов на части (по абзацам), по структурно-смысловым единствам, сверхфразовым единствам и сложным синтаксическим целым, параллельно составляя их план и рассматривая при этом отрывки из прозаических и поэтических произведений.

В ходе обучения выразительному чтению и членению текста на части (см. подраздел 3.3) Е. Калечиц указывает на роль создания партитуры – схемы основы звучания текста.

В последнем подразделе третьего раздела (3.4) при обучении выразительному чтению Е. Калечиц отводит значительное место развитию навыков акцентуации,

причём такую работу она считает необходимым проводить комплексно. Автор ссылается на исследования по русскому ударению, учитывающие грамматический принцип, который является на сегодняшний день наиболее популярным и эффективным: «Он позволяет системно представить закономерности именного и глагольного ударения» (с. 99).

Четвёртый раздел представленной монографии автор посвящает обучению выражения эмоций на занятиях по иностранному языку. Так, в первом подразделе автор говорит об изучении междометий на занятиях по РКИ, утверждая, что знакомство студентов с междометиями эффективнее осуществлять, «*вкрапывая соответствующий материал в виде речевых образцов в упражнения как в процессе презентации какого-то учебного материала, так и во время его закрепления и автоматизации*» (с. 107 – 108).

В последнем подразделе (4.2) четвёртого раздела при рассмотрении и анализе особенностей употребления в языке непроизводных эмоциональных и волеизъявительных междометий, скрепляющих так называемые *фоновые знания* и широко употребляющихся в разговорной речи белорусов, русских и словаков, Е. Калечиц знакомит нас с результатами своего исследования. Мы согласны с рассуждением автора о том, что

интересно было бы, кроме анализа вербальных средств выражения, провести специальное исследование невербальных средств: мимики, жестов, манеры поведения и т. п.

Достоинством работы является богатый, разнообразный, хорошо подобранный иллюстративный материал из наиболее известных памятников изобразительного искусства, кино и мультипликационных фильмов, которые рассматриваются в монографии как дополнительные средства обучения иностранному языку и интерпретации художественных текстов.

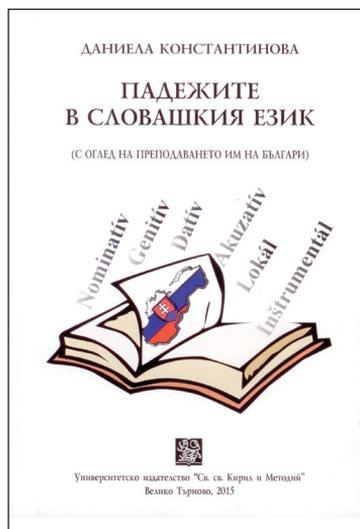
Таким образом, хочется ещё раз отметить, что монография Е. И. Калечиц отличается чёткостью композиции, продуманным изложением материала, написана соответствующим научным и одновременно доступным языком. Автору в полной мере удалось осветить указанную

проблематику, проявив при этом глубокие знания по освещаемым вопросам и продемонстрировав умение работать с источниками. Поэтому полагаем, что данная монография имеет большое теоретическое и практическое значение. Кроме того, рецензируемая монография Е. И. Калечиц, безусловно, окажет позитивное влияние на дальнейшие исследования в области интерпретации художественного текста и в практике обучения РКИ. Она будет полезна не только для методистов-филологов, но и для студентов – будущих преподавателей иностранного языка.

В целом монография Е. И. Калечиц является интересной и серьёзной работой, заслуживающей положительной оценки.

Ян Галло

Константинова, Даниела: **Падежите в словашкия език (с оглед на преподаването им на българи)**. Велико Търново: Университетско издателство "Св. св. Кирил и Методий", 2015. 170 s. ISBN 978-619-208-027-3.

Slovenské pády v bulharskom jazykovom prostredí

Osvojovanie si slovenčiny v bulharskom jazykovom prostredí má svoje úskalia a spôsobuje študentom nemálo problémov napriek tomu, že ide o geneticky príbuzné jazyky.

Najväčší rozdiel spočíva v tom, že slovenčina je syntetický a bulharčina analytický jazyk, čo v praxi znamená, že bulharčina vyjadruje vzťahy pomocou slovosledu a predložiek a slovenčina pomocou deklinácie. Pády a deklinácia substantív, adjektív, zámen a čísloviek zapríčiňujú bulharským študentom značné ťažkosti. Túto skutočnosť si uvedomuje aj slavistka Daniela Konstantinova.

Doc. Daniela Konstantinova, PhD. pôsobí ako vysokoškolská učiteľka slovakistiky na Katedre slavistiky Filologickej fakulty Veľkotrnovskej

univerzity sv. Cyrila a Metoda vo Veľkom Trnove. Ako dlhoročná učiteľka slovenskej morfológie má bohaté skúsenosti s výučbou pádov v slovenčine, ako aj s praktickými problémami, s ktorými zápasia študenti pri ich osvojovaní.

V roku 2015 vydala knižnú publikáciu **Pády v slovenčine (z hľadiska ich vyučovania v bulharskom jazykovom prostredí)**, v ktorej predstavuje a vysvetľuje pádový systém v slovenčine.

Kniha je primárne určená bulharskému študentovi slovenčiny, predpokladá jeho základnú orientáciu v lingvistike, v základných lingvistických termínoch a minimálnu znalosť slovenského jazyka A1 (podľa Spoločného európskeho referenčného rámca pre jazyky).

V úvodnej teoretickej kapitole autorka predstavuje slovenčinu

z morfológického hľadiska ako syntetický jazyk s dobre vyvinutým deklinačným systémom mien a zámen a zaoberá sa možnosťami a spôsobmi sprístupňovania tohto systému mladej generácii bulharských študentov.

Hlavnú časť učebnice tvorí šesť osobitných kapitol, ktoré vysvetľujú pády slovenčiny z teoretického i praktického hľadiska.

Charakteristiku a použitie jednotlivých pádov autorka vhodne dokladá praktickými príkladmi, ktoré (pre uvedenie si pádu) ešte ozrejmuje otázkou. Napr. Študentka číta. Kto číta? Vety a s nimi súvisiace otázky prekladá do bulharčiny: Студентката чете. Кој чете? Množstvo príkladov v slovenčine a bulharčine prispieva k lepšiemu teoretickému pochopeniu a následnému praktickému zvládnutiu konkrétneho pádu.

Súčasťou každej kapitoly sú aj prehľadné tabuľky, v ktorých sú uvedené jednotlivé pádové koncovky substantív, adjektív, čísloviek a zámen.

Poslednú kapitolu učebnice tvorí príloha, ktorá obsahuje tabuľky s deklinačnými vzormi.

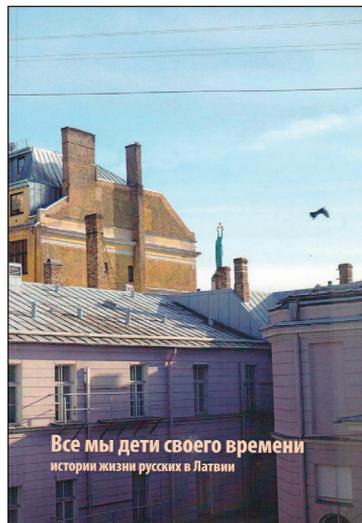
Kniha Pády v slovenčine (2015) je napísaná jasne a zrozumiteľne, prístupným spôsobom pre všetkých Bulharov, ktorí sa chcú učiť slovenský jazyk. Je vhodnou učebnou pomôckou pri výučbe teoretickej gramatiky i pri osvojovaní si praktického slovenského jazyka.

Daniela Konstantinova sa touto publikáciou prezentuje ako skúsená slovakistka i ako skúsená vysokoškolská učiteľka. Jej publikácia je prínosom pre študentov i učiteľov slovenčiny v bulharskom jazykovom prostredí i pre všetkých Bulharov, ktorí sú v kontakte so slovenčinou ako cudzím jazykom.

Kniha Pády v slovenčine má predpoklady stať sa klasickou odbornou publikáciou každej knižnice Bulhara – slovakistu.

Eleonóra Zvalená

Все мы дети своего времени: истории жизни русских в Латвии. / Visi esam sava laikmeta bērni: krievu dzīvesstāsti Latvijā. Составители: Мара Зирните, Мария Ассерецкова. Рига: Институт философии и социологии ЛУ, Латвийская ассоциация исследователей устной истории Dzīvesstāsts, 2016. 411 с. ISBN 978-9984-9599-9-3.

Príbehy Rusov žijúcich v Lotyšsku zo sociologického pohľadu

Все мы дети своего времени: истории жизни русских в Латвии. / Visi esam sava laikmeta bērni: krievu dzīvesstāsti Latvijā. Составители: Мара Зирните, Мария Ассерецкова. Рига: Институт философии и социологии ЛУ, Латвийская ассоциация исследователей устной истории Dzīvesstāsts, 2016. 411 с. ISBN 978-9984-9599-9-3.

Každý z nás sa zaoberá otázkou, ktoré informácie z okolitého sveta sú pre nás podstatné, a ktoré nie. Tie dôležité si uchováваме v pamäti a iné zasa môžeme zo svojej mysle vytesniť a jednoducho zabudnúť. Za posledné desaťročia neustále stúpa záujem o svedectvá, či spomienky očitých svedkov. Taktiež

autobiografie sa stali populárnymi nielen v literatúre a publicistike, no aj v humanitných a sociálnych vedách. Spoločnosť sa neraz vracia ku spomienkam a svedectvám, ktoré sú schopné súčasnému človeku lepšie priblížiť udalosti dávno minulé. Pomocou spomienok sa vieme vžiť do istej postavy so všetkým, čo prežíva, či preniesť sa do doby, ktorá dýcha svojskou atmosférou. Zaujímavou vlastnosťou pamäti je jej prepojenosť na citovú stránku, pretože ku všetkému, čo uchováваме v našej pamäti si budujeme istý vzťah. Pamäť jednotlivca je v značnej miere ovplyvňovaná sociálnymi faktormi, pretože sa nachádza pod vplyvom rôznych sociálnych skupín, ku ktorým človek prirodzene patrí. Lepšie pochopiť súvislosti a prepojenie individuálnej pamäte s dobou pomáha publikácia *Все мы дети*

своего времени (Všetci sme deti svojej doby), ktorá vznikla ako komentovaný súbor spomienok očitých svedkov dobových premien – Rusov žijúcich v Lotyšsku. Kniha je skomponovaná zrkadlovo: polovicu tvoria autentické ruské príbehy a druhú polovicu ich preklad do lotyštiny. Zostavovateľmi sú sociológovia Mára Zirnite a Mária Assereckova.

Začiatkom 90-tych rokov historici začali zdôrazňovať, že pamäť si nemôžeme predstavovať ako archív, v ktorom sú chronologicky usporiadané naše spomienky (o ľuďoch, udalostiach, či biografické údaje, atď.). Podľa nich pamäť pripomína skôr citlivý mechanizmus, ktorého funkčný rozsah reaguje na všetky emočné odchýlky medzi zapamätaním a zabudnutím. Prostredníctvom tohto mechanizmu sa nám vybavujú rôzne obrazy, ktoré sú vyvolávané náhodnou otázkou, intonáciou, či obyčajným gestom. Obsah našej pamäti predstavuje javy vedomé aj nevedomé a práve preto sa často ľuďom stáva, že rozprávajúc o svojom živote si človek premieta do minulosti situácie z prítomnosti, svoje zážitky aj strach. Nie všetko, na čo spomínáme a o čom hovoríme je racionálne podložené. Niekedy sa dokonca zdá, že je to spontánny krok, no tak či onak je v istej miere ovplyvnený všeobecne platnými kultúrnymi praktikami. Pomyselné medzery medzi myšlienkami vyjadrenými v slovách a pauzami medzi nimi sú pre každého, kto sa chce vžiť

do príbehu „cudzieho“ života veľkou výzvou. Skúsenosti určitého človeka a jeho ukotvenosť v sociálnom prostredí sa bezprostredne odzrkadľujú v príbehoch daných ľudí. Počas spomínania na svoje detstvo, blízkych, či významné udalosti hovoriaci do svojho príbehu dosť často zapája aj pre neho dôležité fakty (detailné opísanie predmetov, či okoliťého prostredia). Súčasne sa tento príbeh prispôsobuje myšlienkovým pochodom hovoriaceho, jeho logike, či lexikálnym osobitostiam reči, modelom správania... Ináč povedané sa naše príbehy prispôbujú všetkému, čo sa ukotvuje v kultúrnych praktikách. Dáva to každému možnosť ako poslucháčovi tohto príbehu uvidieť prepojenosť určitého človeka na svoje kultúrne prostredie a svoju dobu. Slová *Все мы дети своего времени*, ktoré sú súčasne aj názvom knihy, patria jednému z rozprávačov – Borisovi Lobkovovi a poukazujú na presne takú skúsenosť.

Životné cesty ľudí sa líšia. Každý, kto vyrozprával svoj príbeh do tejto knihy, sa snažil do svojho rozprávania vniesť svoju vlastnú skúsenosť podliehajúcu ubehnutému času, sociálno-politickým procesom a dobe. V knihe je 15 životných príbehov, ktoré boli napísané v rámci výskumu od r. 2013 do r. 2015. Na zostavení tejto knihy sa počas 20-tich rokov podieľali skúsení výskumníci, ktorí uskuotočňovali interview. Spolupracoval s nimi taktiež Inštitút filozofie a sociológie Lotyšskej univerzity (ako

napr. M. Zirnite, D. Beitnere-Le Galla, K. Zellis a i.). Najväčšie zásluhy sa pripisujú M. Assereckovovej, pre ktorú to bola prvá skúsenosť takéhoto druhu. Všetky životné príbehy obsiahnuté v tejto knihe boli pripravené na základe interview, ktoré bolo uskutočnené v ruskom jazyku a následne preložené do lotyšského jazyka. Pri zostavovaní týchto kompozícií bol zvukový materiál a transkripcia interview premietnutá do písanej podoby, textu, so zachovaním podľa možnosti čo najviac osobných názorov a úsudkov zo zvukovej stopy.

Výhodou pre čitateľa je, že kompozície sú zostavené ako jednoliaty text, bez dodatočných otázok, ktoré boli kladené počas interview. Ich funkcia je však prítomná v podtitulkoch, ktoré rozdeľujú text kompozície na zmysluplné bloky logicky rozčlenené podľa vyrozprávaného príbehu. Slová, ktoré sú v podtitulkoch sú vytrhnuté priamo z reči rozprávača príbehu. Konštrukcie použité v texte sú charakteristické pre prirodzenú hovorovú reč, no podliehajú aj korektúram v súlade s formálnymi požiadavkami písomného prejavu. Vysoko hodnotím fakt, že aj napriek korektúram boli v texte zachované maniere reči, lexikálne rôznorodosti a osobitosti používania gramatických foriem. Písomné zobrazenie ústneho rozprávania má vždy tak trochu schematický charakter. Intonácia hovoriaceho, sfarbenie hlasu, pauzy, nehovoriac o mimike

a gestách hovoriaceho, nie je možné zobraziť graficky.

Táto kniha ponúka čitateľom kompozície príbehov zo života ľudí, ktoré načrtávajú svet spomienok a zážitkov dotknutých osôb. Zostavovatelia tejto knihy chcú zoznámiť čitateľa s nevelkým počtom slovných príbehov, ktoré dávajú možnosť priblížiť čitateľovi unikátne skúsenosti, ktorá sú veľmi dôležité pri pochopení rozmanitosti názorov a hodnotení, ktoré sú prítomné v našej spoločnosti. Jednotlivé príbehy pomáhajú započuť hlasy ľudí, ktorí rozprávajú o tom, čo si odžili, či prelomových momentoch v ich živote a následne sa čitateľ dočíta aj to, ako tieto udalosti dejúce sa v spoločnosti ovplyvnili ich osud. Všetkých zúčastnených spája nielen to, že ruský jazyk je ich materinským, či ho používajú v každodennej komunikácii, ale aj fakt, že dlhú periódu svojho života prežili v Lotyšsku. Každý z nich má svoj vlastný pohľad na život, no zároveň každý z nich patrí k inému pokoleniu. Dokonca by bolo možné rozčleniť hovoriacich do nasledovných skupín: predvojnové pokolenie, ktoré sa narodilo počas 2. svetovej vojny a v povojnových rokoch a tí, ktorí svoje detstvo a mladosť prežili v 60-80-tych rokoch 20. storočia. Ľudia narodení v predvojnovom období spomínajú na niektoré ťažké momenty 20. storočia tak, ako sa uchovali v ich pamäti, no rozprávajú aj o sebe a ich vzťahu k tejto dobe.

V rozprávání ľudí, ktorých môžeme zaradiť k povojnovému pokoleniu, sa nachádza mnoho reakcií a emócií na nedávne udalosti. V ich príbehoch môže čitateľ nájsť momenty, kedy sa pretínajú dve epochy rozorvané v ideáloch a spoločnosť sa pokúša nájsť nové styčné body.

Tieto príbehy odzrkadľujú rozličné skúsenosti zo sociálno-kultúrnej, profesijnej, či súkromnej sféry. V každom príbehu rozprávači spomínajú na miesta, ktoré opisujú topografiu týchto svedectiev na jednej strane veľmi presne a reálne a na strane druhej metaforicky, v prenesenom význame. Práve tieto svedectvá ponúkajú čitateľovi cenné poznatky o skúsenosti ľudí, ktoré nenájdete v žiadnom z historických prameňov takéhoto typu. Písomné, či

iné umelecké pramene v spojitosti s napr. interview napomáhajú ľuďom k širšiemu obzoru/ k širšiemu obrazu o sociálno-kultúrnej skúsenosti spoločnosti. Táto publikácia je pokusom o dialogické spomienky (terminológia A. Assmanna), ktoré sa opierajú o individuálne spomienky, prostredníctvom ktorých môžeme vyjadriť čo nás spája a čo naopak odlišuje od druhých. Po prečítaní tejto knihy sa dozvieme aj to, o čom sa na verejnosti nahlas nehovorí. Táto publikácia môže byť nápomocná pri vyučovaní ruského/lotyšského jazyka ako cudzieho, či pre každého, koho zaujíma história a národné osobitosti z pohľadu obyčajných ľudí.

Miriama Juricová

AUTORI ČÍSLA

науч. сотр. Александра Игоревна Чиварзина
Институт славяноведения Российской академии наук (Ruská federácia)
mss-vah@yandex.ru

doc. PaedDr. Ján Gallo, PhD.
Katedra rusistiky Filozofickej fakulty Univerzity Konštantína Filozofa v Nitre (SR)
jgallo@ukf.sk

к. филол. наук, науч. сотр. Мария Владимировна Ясинская
Отдел этнолингвистики и фольклора Института славяноведения Российской
академии наук (Ruská federácia)
marusiaya@gmail.com

Mgr. Miriama Juricová
Katedra rusistiky Filozofickej fakulty Univerzity Konštantína Filozofa v Nitre (SR)
miriama.juricova@ukf.sk

к. филол. наук, дацэнт Алена Іванаўна Калечыц
Katedra rusistiky Filozofickej fakulty Univerzity Konštantína Filozofa v Nitre (SR)
akalechyts@ukf.sk

к. филол. н., ст. науч. сотр. Марина Михайловна Валенцова
Отдел этнолингвистики и фольклора Института славяноведения Российской
академии наук (Ruská federácia)
mvalent@mail.ru

к. филол. н., ст. науч. сотр. Дарья Юрьевна Ващенко
Институт славяноведения Российской академии наук (Ruská federácia)
daranis@mail.ru

PaedDr. Eleonóra Zvalená, PhD.
Veľkotrnavská univerzita sv. Cyrila a Metoda vo Veľkom Trnove (Bulharsko)
znora@centrum.sk

SLAVICA NITRIENSIA
časopis pre výskum slovanských filológií

Ročník 5, 2016, 2

Toto číslo vyšlo v novembri 2016

Vydavateľ: Univerzita Konštantína Filozofa v Nitre
Tr. A. Hlinku 1, 949 74 Nitra
IČO: 00157716

Návrh obálky a sadzba:
PhDr. Ľuboslav Horvát

Rozsah: 86 strán

Adresa redakcie:
Katedra rusistiky FF UKF, Štefánikova 67, 949 74 Nitra
krusistiky@ukf.sk
www.krus.ff.ukf.sk

Evidenčné číslo Ministerstva kultúry SR: EV 4625/12

ISSN 1338-7464